

А 38
1165

М. ГОЛЬДЕНШТЕЙН

В. И. ЛЕНИН
и
музыка

М. ГОЛЬДЕНШТЕЙН

В. И. ЛЕНИН
и
музыка

•

ЛЕНИНГРАД «МУЗЫКА» 1987

78.01
Г 63

Научный редактор Л. А. ВИТЕС

Гольденштейн М. Л.

Г 60 В. И. Ленин и музыка.— Л.: Музыка, 1987.—
96 с.

В книге в популярной форме рассказывается о музыке, звучавшей в доме Ульяновых, об отношении В. И. Ленина к классической и народной музыке, к революционной песне, о музыкантах, поставивших свой талант на службу революции.

Г $\frac{4802000000-669}{026(01)-87}$ 16-87

78.01

Г $\frac{4802000000-669}{026(01)-87}$ 16-87

© Издательство «Музыка», 1987 г.

О ЧЕМ РАССКАЗЫВАЮТ НОТЫ ДОМА-МУЗЕЯ

Город на Волге — Ульяновск. Более полувека назад это был тихий захолустный городок Симбирск. Он стоял далеко от железной дороги. Не дымились в нем заводские трубы, даже звонки трамвая не врывались в сонную тишину. Уроженец Симбирска писатель И. А. Гончаров так описывал его: «Самая наружность родного города не представляла ничего другого, кроме картины сна и застоя. Те же, большею частью деревянные, посеревшие от времени дома и домишки, с мезонинами, с садами, иногда с колоннами, окруженные канавками, густо заросшими полынью и крапивой, бесконечные заборы; те же деревянные тротуары с недостающими досками, та же пустота и безмолвие на улицах, покрытых густыми узорами пыли».

Весной тихий Симбирск оживал и хорошел. Зеленели сады, зацветали фруктовые деревья. Начиналась навигация. По широкой как море Волге двигались пароходы. Спускались на воду лодки, звенели по вечерам песни.

В Симбирске родился и провел школьные годы Владимир Ильич Ульянов (Ленин). Старый Симбирск называли его именем — Ульяновск. Теперь этот город знают во всем мире. На поездах и самолетах, теплоходах и туристских машинах сюда стремится множество людей. Уже с утра по дворику вьется длинная очередь в дом-музей В. И. Ленина. Группа загорелых пионеров нетерпеливо переминается с ноги на ногу. Они, видно, проделали долгий путь, чтобы провести полчаса в доме Ульяновых... Волнуясь, входят ребята в дом; путаясь в шнурах, надевают неуклюжие музейные тапочки. Только бы все увидеть, только бы успеть все запомнить! Но время летит неимоверно быстро. Вот уже обошли все маленькие комнаты, чуточку задержались у книжной полки Володи; в детской подивились игрушкам: самодельные кубики, тряпичная кукла с глазами, наклеванными цветным карандашом; полюбовались рисунком Ольги (ветряная мельница! Наверное, с натуры рисовала.

Теперь таких не встретишь!); кто-то потихоньку потрогал хлебницу, выпиленную Александром в подарок матери...

Пора уходить. Неужели всё? Мысленно пробегаешь снова весь короткий путь. Сначала вошли в гостиную. Справа от двери стоит небольшой черный рояль. Все двинулись дальше, в кабинет Ильи Николаевича, а кто-то остановился у рояля, взволнованный: тот самый?! Под стеклом на рояле ноты. Любитель музыки проталкивается поближе: черный переплет, на нем кожаный треугольник с вытисненными буквами «М.Б.», раскрыта небольшая книжка нот, в ней виднеется знакомая песенка «Ах, попалась, птичка, стой». Рядом еще пожелтевший нотный лист. Издали не разобрать, что на нем написано.

В этой гостиной Ленин впервые в жизни услышал музыку. Здесь по вечерам зажигалась большая керосиновая лампа, задергивались занавески. В зеркале отражались листья комнатных цветов. Крышка рояля была открыта, ноты лежали не под стеклом, а на пюпитре, и клавиши не молчали. Их будила крепкая, умелая рука. И вот они звенят, гудят, поют что-то нежное. А наверху, в детской идет веселая кутерьма. Света не зажигают. Натянув шубку мехом вверх, Володя изображает чудо-зверя «брыкаску». Брыкаска выползает из-под кровати. Все с визгом разбегаются в разные стороны. Но вдруг снизу послышались звуки фортепиано, и всем расхотелось шуметь и носиться. Дети потихоньку спускаются вниз. Старшие раскрывают книги или принимают что-нибудь мастерить. Малыши неслышно играют на полу. Отец углубился в свои бумаги. Как хорошо работается и отдыхается, когда играет мама! Даже лежа в постели приятно слушать ее игру и незаметно засыпать...

И рояль, и ноты с девичьими инициалами «М.Б.» привезла с собою из отцовского дома Мария Александровна Бланк, ставшая женой Ильи Николаевича Ульянова. Музыка была не забавой, не развлечением — важной частью ее жизни. В страшный год, когда был казнен старший сын Александр, семья Ульяновых снялась с насиженного гнезда и переехала в Казань. Мария Александровна распродала все имущество. Не продан был лишь рояль. Его взяли с собой в новую жизнь.

«Так как Мария Александровна была очень хорошая музыкантша, любившая и хорошо понимавшая музыку, то музыка в семье значила многое», — это слова Анны Ильиничны Ульяновой-Елизаровой. Мария Александровна

прекрасно владела фортепиано. Она могла сыграть детям все лучшее, созданное для этого инструмента,— и Моцарта, и Бетховена, и Шуберта, и Шопена. Среди нот в домемузее сохранилось много двух- и четырехручных переложений опер.

В маленьком Симбирске не было оперного театра. Изредка в городе гастролировала приезжая оперная труппа. Оперные спектакли были событием в захолустном городке. С каким волнением собиралась на спектакль семья Ульяновых! В складчину со школьными друзьями дети брали билеты в дешевую ложу третьего яруса и наслаждались музыкой. Школьная подруга Ольги А. Ф. Щербо ходила с ними в театр на «Аиду» Верди, «Африканку» Мейербера, «Демона» Рубинштейна, «Евгения Онегина» Чайковского. Посещать оперу с Володей и Олей ей было особенно интересно, так как они хорошо знали музыку. Можно представить себе, как потом дома все собирались вокруг рояля, мать вынимала клавиш недавно услышанной оперы, дети слушали, подпевали, вспоминая театральные впечатления. Все, кому приходилось слышать, как играла Мария Александровна, называли ее игру одухотворенной, вдохновенной, отмечали теплоту, музыкальность исполнения. Играя, она как бы беседовала с людьми. Для самой Марии Александровны музыка до конца жизни оставалась добрым другом, придавала ей силы в горькую минуту.

Когда Владимир Ильич находился в подполье или эмиграции, его друзья навещали Марию Александровну. Иногда товарищам по партии удавалось получить какие-нибудь сведения о нем. Хотелось поскорее передать их матери. В такие минуты огромного душевного волнения она часто обращалась к музыке: «...и наслушавшись и наговорившись она, маленькая, худенькая, вся светившаяся глубокой добротой и печалью, тихо подходила к роялю, открывала его и как бы унесясь далеко-далеко в своих думах, начинала играть печальные, тихие мелодии, так гармонирующие со всем ее настроением»...

Понятно, что мать старалась развить в своих детях музыкальное чувство, учила их проникать в мир музыки, понимать ее своеобразный язык.

Все дети, кроме Александра, обучались игре на рояле. Самой прилежной в семье справедливо считали Ольгу, которая была годом моложе Володи. Брат с сестрой, самые живые и шаловливые в семье, были неразлучны. Их шумные игры и проказы будоражили весь дом. Бойкая, веселая

Леля не уступала мальчишкам в играх и беготне. Она очень ловко лазала по деревьям и крышам, часто приходила домой в синяках и царапинах. В гимназии ее прозвали «поколеноморепереходящая».

К музыке она пристрастилась сразу, и все удивлялись, что эта подвижная, как ртуть, девочка часами просиживает за роялем, терпеливо повторяя гаммы и этюды. Юноша-старшеклассник Володя Ульянов говорил, слушая бесконечные музыкальные упражнения Ольги: «Вот чьей работоспособности можно позавидовать». Старшая сестра Анна Ильинична заметила, что пример Ольги повлиял на него. Со школьных лет Володя стал вырабатывать в себе трудолюбие, умение систематически работать.

Ольга была богато одаренной натурой. Гимназию окончила с золотой медалью, свободно владела тремя языками — французским, английским и немецким, а когда понадобилось, самостоятельно изучила и шведский. Она хорошо рисовала, ее рисунки выделялись на гимназических выставках.

Но музыка ей была особенно дорога. Мать находила, что музыкальные способности Оли невелики. Однако горячее желание и умение работать сделали свое: Ольга настолько хорошо успевала, что одна из всей семьи поступила в музыкальную школу Казани. Там она занималась с таким же увлечением и усердием. Участвовала в хоре. В письмах ее то и дело находишь строки о занятиях музыкой: по два часа играет, готовится к концерту школьного хора («Посещаю все репетиции и два дня почти не бывала дома»), участвует в выступлении («Концерт прошел с большим успехом, чему я ужасно рада»). Оля всегда была готова помочь и своим подругам. Особенно охотно она разучивала с ними такие известные песни, как «Выхожу один я на дорогу», «Укажи мне такую обитель», «Однозвучно гремит колокольчик» и аккомпанировала им.

Сохранилось много нот, переписанных ее рукой, и среди них мелодии запрещенных тогда революционных песен: «Марсельеза», «Вы жертвою пали», «Красное знамя», «Замучен тяжелой неволей». Теперь они лежат рядом с нотами матери в доме-музее. На них вытеснены буквы — «О.У.». Между страницами лепестки засушенных цветов.

Чем была музыка для Ольги, говорит ее письмо к любимой школьной подруге А. Ф. Щербо: «У меня, как у всех, бывают ясные дни, бывают и пасмурные, когда я мучусь

сомнениями и хандрю. Тогда мне не хочется и за перо браться... Еще вчера на меня напала хандра, но на мое счастье удалось попасть в театр на „Фауста“ (прекрасная опера), и эти чудесные звуки меня ободрили».

Прежняя озорница и непоседа, подруга детских лет Владимира Ильича, Ольга осталась и другом его юности. Во многом их связывала музыка.

Наиболее способным к музыке, по мнению матери, был Володя. Восьмилетним мальчиком он свободно исполнял легкие фортепианные пьесы, играл в четыре руки с матерью и сестрами. Мария Александровна очень огорчилась, когда, поступив в гимназию, Володя решительно отказался продолжать занятия на фортепиано. Что случилось? Не испугался же он перегрузки школьными уроками: ученье давалось ему легко. Неужели Володя разлюбил музыку?

Брат Дмитрий потом догадался: ученики младших классов гимназии, куда поступил Володя, считали музыку занятием, недостойным мужчины. Наверное, девятилетнему первокласснику не хотелось, чтобы его дразнили девчонкой... Но музыка уже завладела его сердцем. Чем дальше, тем большее наслаждение доставляла ему игра матери. Примостившись поудобнее у рояля, он внимательно слушал. Вот мама достала клавир оперы «Аскольдова могила» и ведет рассказ о событиях в древнем Киеве, перемежая его пением. Перед слушателями встают, как живые, все действующие лица. Мрачный Неизвестный поет арию «В старину живали деды», восхваляя старые времена. Сейчас будет нежный хор девушек «Ах подруженьки, как грустно» — это легко узнать по вступлению. А под залихватскую песню Торопки «Ай жги, жги — говори» просто плясать хочется. Все это уже знакомо, а слушали бы еще и еще, как любимую сказку. Дети сидят как замороженные, но слушают неодинаково: Митя еще мал и, может быть, не так музыкален — его больше интересует сюжет, то, что рассказывает мама, а Володя и Оля поглощены самой музыкой.

Мать приучила детей к хоровому пению. Иногда к семейному хору присоединялись и другие дети — приятели по школе. Вот тогда и появлялся в руках Марии Александровны сборник «Гусельки» — тот, что теперь лежит под стеклом в Ульяновском доме-музее. В те времена это был самый распространенный сборник детских песен. В нем можно было найти и народные песни, и все известные дет-

ские песенки вроде «Вот лягушка по дорожке», «Серенький козлик», «Ах, попалась, птичка, стой».

Когда доходила очередь до «Серенького козлика», маленький Митя с ужасом ждал появления серых волков. А Володя делал страшные глаза и низким голосом пел: «Остались от козлика рожки да ножки»... Тут бедный Митя от страха и жалости заливался отчаянным ревом.

Но когда Мария Александровна играла что-нибудь серьезное, Володе и в голову не приходило озорничать. Он задумчиво слушал, потом насвистывал про себя услышанную мелодию. Насвистывал он чисто и верно. Двоюродный брат Н. Веретенников вспоминал: «У Володи прекрасно был развит музыкальный слух и память, он хорошо насвистывал сквозь зубы разные мотивы. Я же не слышал музыки совсем в нашей семье и не различал никаких музыкальных звуков. Первый толчок к развитию у меня музыкального слуха был дан свистом Володи».

Привычка насвистывать любимые напевы осталась у Владимира Ильича на всю жизнь. Говорят, правда, что насвистывал он лишь тогда, когда был в хорошем настроении.

Как-то Митя получил в подарок гармонику. Как ни вертел он ее, как ни прилаживался,— ничего не выходило. Попыталась Ольга заставить гармонь заговорить,— но и ей это не удалось. А Володя взял в руки гармошку, попробовал аккорды и быстро подобрал несколько знакомых песен. Потом уже совсем ловко заиграл «Вот мчится тройка» — да и отложил инструмент в сторону. Не сравниться бедной гармонии с полнзвучным роялем!

Владимир Ильич очень любил — и это навсегда осталось — петь в хоре. Он знал множество народных песен. Сколько их наслушаешься в деревне Кокушкино, куда Ульяновы выезжали на лето! Там живет веселый приятель, мальчик-пастух Бахавий. Он замечательно поет татарские песни, а заведев Володю, запекает его любимую:

Сары, сары, сап-сары,
Сары, чечек саплары,
Сагынырсын, саргаирсын,
Кильсэ сугыш чеклары.

Володя знает, о чем поет приятель. Это песня про такого же, как он сам, пастушонка. Вырос подпасок, и царь забрал его в солдаты. Худо в царской солдатчине...

Желтые, желтые, очень желтые,
желтые ветки цветов.
Соскучишься, пожелтеешь,
когда придут дни войны.

В том же Кокушкине Володя ходил на постройку плотины. Там пели рабочие, на ходу придумывая слова:

Наша свая на мель села,
Эх, кому до того дело,
Ударим, ударим, да ухнем!

Мальчик следил за работой плотников и замечал, что незатейливая припевка не просто забавляет их. Он ясно видел, что песня помогает людям трудиться ритмичнее, ловчее, узнал цену трудовой песне.

Когда в Кокушкино приезжал отец, устраивали далекие прогулки, походы за грибами и ягодами. В пути много пели, читали стихи Пушкина, Лермонтова, Некрасова. Илья Николаевич очень любил пение. Как и другие крупные педагоги, он высоко ценил народную песню, считал ее важным помощником в воспитании. Он приложил много усилий, чтобы в народных школах обучали детей музыкальной грамоте, пению по нотам. В те времена учили петь только молитвы. Иных учителей удивляло, почему это директор народных училищ Ульянов так настойчиво убеждает заниматься пением всерьез и поощряет школы, где существуют хорошие хоры. В те годы, когда Илья Николаевич стоял во главе школьного дела в Симбирской губернии, во многих учебных заведениях велись настоящие музыкальные занятия, прекрасно пели хоры. Он и сам любил петь в домашнем кругу; компания собиралась приятная, и песни выходили на славу. Для детей прогулки с отцом всегда были праздником. И петь с отцом они любили еще потому, что он знал особенные песни, каких не услышишь нигде. «Далеко, далеко степь за Волгу ушла» — протяжно затягивал Илья Николаевич, и дети подхватывали тоскливую песню про человека, которому «жизнь не в радость была», и он

Отчий дом покидал,
Расставался с семьей
И за Волгой искал
Только воли одной...

Илья Николаевич Ульянов посвятил свою жизнь просвещению крестьянских детей, недавних крепостных. Он

видел, как трудно живется народу. Он высоко ценил стихи и песни, в которых высказывались народные думы о воле. Одной из любимых была «По духу братья мы с тобой» на стихи поэта А. Н. Плещеева. В студенческие годы Илья Николаевич певал ее с товарищами по Казанскому университету.

Долгие годы считалось, что «По духу братья» сочинил поэт-декабрист К. Ф. Рылеев. Может быть, поэтому молодежь с особенным чувством относилась к запретной песне.

А дети Ульяновы, хоть и не знали истории крамольной песни, горячо повторяли вслед за отцом:

По духу братья мы с тобой,
Мы в избавленье верим оба.
И будем мы питать до гроба
Вражду к бичам страны родной.

И дальше — песня звучала как призыв:

Когда ж ударит грозный час
И встанут спящие народы,—
Святое воинство свободы
В своих рядах увидит нас.

Не все ребята понимали ее слова, но песня увлекала их, с ней в их сознание незаметно входили свобода, любовь к людям, ненависть к угнетателям. Даже Аня, старшая из детей (ей было 13 лет), сначала не вникла в истинный смысл слов песни и как-то раз запела ее громким голосом, уже не на дальней прогулке, а у себя во дворе. Мария Александровна услышала, позвала дочку в комнату и объяснила, что песня эта запрещенная, и если услышат ее в доме директора народных училищ, то отцу придется плохо. Аня поняла тогда, что «бичи страны родной» — это царь и его приближенные, угнетатели народа, поняла глубокую правду и силу любимой песни, а отец, сам передававший песню детям, стал еще ближе и дороже.

В гимназии Володя быстро освоился и сдружился с товарищами. Кто бывал у него дома, начинал понимать, почему Володя так тянется к музыке. Вскоре как-то само собой вышло, что энергичному мальчику стали поручать организацию ученических концертов. Иногда их устраивали платными, в помощь учащимся из самых бедных семей. Володя Ульянов интересно составлял программу. Он наперечет знал все гимназические таланты, умел привлечь их к участию в концерте. Соученик Владимира Ильича

по гимназии Д. Андреев припомнил интересный случай. Шел ученический вечер. Во втором отделении должен был петь хор с солистом. Но перед началом концерта пронесся слух, что солист внезапно заболел. Прозвенел звонок, и все поспешили в зал. В антракте на эстраде появился Ульянов с товарищем. Они вывешивали объявление: «Вместо заболевшего выступит ученик седьмого класса Дмитрий Андреев». Увидев в объявлении свое имя, новоиспеченный солист пришел в ярость и набросился с кулаками на Ульянова — что это за самоуправство? Да он и не собирается петь без подготовки. «Володя спокойно отстранил меня,— вспоминает Д. Андреев,— и сказал:

— Ты эти романсы знаешь?

— Знаю.

— Ты их пел на вечеринке?

— Пел.

— Ну, так и здесь споешь!»

Диме Андрееву пришлось-таки спасти положение. Он выступил и, очевидно, спел так хорошо, что потом Ульянов пожимал ему руку и говорил с восторгом: «Ну, и молодец же ты, Димка! Тебе надо сделаться настоящим певцом, в этом твое призвание!» Видно, Володя знал, что поступает правильно, что Андреев хорошо споел, концерт не сорвется, и программа не пострадает от замены солиста.

В гимназии был хор. Им руководил ученик старшего класса Писарев. Ульянов редко показывался в хоре, потому что там больше занимались разучиванием церковных песнопений, а Володя рано простился с религией. Его увлекали другие песни. Когда в классе стали изучать историю, он заинтересовался народными восстаниями: Симбирск связан с именами Е. Пугачева и С. Разина. В нынешнем Ульяновске на одном из домов по улице К. Маркса установлена памятная доска: в этом доме в железной клетке содержался перед казнью схваченный царскими властями Е. Пугачев.

В юности Ленина, конечно, такой доски не было, но по городу ходили рассказы о народной вольнице. Говорили, будто сторонники Пугачева пытались спасти его и сделали под домом подкоп для побега. Мальчики во главе с Володей Ульяновым сговорились найти этот ход. Затея была очень рискованной: в доме жили гимназические надзиратели, и легко можно было попасться им на глаза. Гимназисты тайком раздобыли фонарь, лопату, собрали по домам свечные огарки, а Володя принес клубок толстых

ниток, чтобы не заблудиться в извилинах подкопа. Долго и терпеливо бродили они в подвалах дома, высвечивали, рыли, выстукивали стены, но подкопа не обнаружили.

Мальчики выпрашивали у старожилов о Разине и Пугачеве, записывали легенды и песни о них. Уходили гурьбой на Свиягу или Волгу и там распевали песни волжской вольницы «Вниз по матушке, по Волге», «Утес Стеньки Разина» (любимую песню брата Саши). Пели и «Дубинушку», и песню на стихи Некрасова «Укажи мне такую обитель», песни из запрещенных сборников. Чья-то таинственная рука доставляла в гимназию эти крамольные сборники. Однажды в умывальной обнаружили такую книжечку. В кабинет директора явился полицейский чин, и учеников вызывали на допрос поодиночке. Но виновника не нашли.

Директор гимназии замечал, что в гимназию проникают нежелательные идеи. Он собрал всех учеников и произнес грозную речь. «Бойтесь отрицательного направления», — много раз повторял он. Старшеклассники молчали, а младшие любопытствовали, что это значит — отрицательное направление? Старшие так понятно объяснили, что даже младшие ученики стали интересоваться свободными стихами и песнями. Ну конечно, не место было в гимназии такой музыке. Там спокойнее было благостным напевам молитв. Впрочем, и с церковным пением не все шло гладко. И туда закрадывался озорной мальчишеский дух. Однажды, в день приезда в гимназию столичного начальства, в гимназической церкви был отслужен молебен. Все выглядело весьма торжественно, особенно отличился хор под руководством ученика Писарева. Ни в одной гимназии не слыхали высокие гости такого красивого пения.

Еще бы не красиво! Все молитвы пелись... на мотивы из оперы Дж. Верди «Аида». Но никто не заметил этого, и проделка хористов осталась безнаказанной! Володя Ульянов покатывался со смеху и уверял, что наконец-то он в церкви получил истинное удовольствие.

В старших классах Ульянов сблизился с Костей Сердюковым, участником революционного кружка. Костя учил его и новым революционным песням. Они рвались из сердца, гремели, как буря на просторе родной реки. Волга и песня с детства сплелись воедино в сознании Владимира Ильича. Отец купил полное собрание сочинений Некрасова. Его читали вслух по вечерам, всей семьей. Пели песни о Волге на стихи Некрасова.

Володя с ранних лет преданно любил Сашу, подражал ему во всем. Не было для него ничего дороже внимания старшего брата. Саша брал его с собой в путешествия на лодке вниз по Волге, которые затевал с друзьями. Покупались запасы провизии на несколько дней, на лодку ставили парус и отправлялись в путь. Ночная рыбалка, уха из собственного улова. Стихи, читавшиеся под треск костра, чудесные картины природы, горячие речи и песни глубоко западали в душу младшего брата.

С большой любовью вспоминал потом Владимир Ильич Волгу, ее песни, тосковал о ней вдаль от родины. «Вы на Волге бывали? Знаете Волгу? Плохо знаете! Широка! Необъятная ширь... Так широка... Мы в детстве с Сашей, с братом, уезжали на лодке далеко, очень далеко уезжали... и над рекой, бывало, стелется неизвестно откуда песня... И песни же у нас в России!»

Музыкальные вечера в доме Ульяновых продолжались. Дети подросли. Они уже не только слушали игру матери, но сами играли и пели. Пришло время и младшей — Маняше — садиться за рояль. Она одолевала этюды из «Школы беглости» Черни, твердила упражнения Гурлитта (эти ноты и сегодня хранятся в квартире-музее В. И. Ленина в Кремле). А Ольга к тому времени стала хорошей пианисткой. Тут-то, наверно, и составлялись четырехручные ансамбли с матерью: среди ульяновских нот много пьес для игры в четыре руки.

В нотных тетрадках с инициалами «О.У.» переплетены фортепианные пьесы. Там и прелюдии Шопена, и сонаты Бетховена, и виртуозный вальс-каприз Рубинштейна. Очень много вокальных произведений. Кто же пел эти романсы Глинки и Даргомыжского, Шуберта и Шумана?

Перенесемся мысленно в квартиру Ульяновых: пусть это будет в Симбирске или Казани, а если летом, то в Кокушкине или Алакаевке. Везде, среди самой простой скромной обстановки, мы увидим рояль.

Днем по дому и саду раскатываются энергичные пассажи этюдов. Вверх-вниз грохочут по всей клавиатуре гаммы, настойчиво штудируется по многу раз одна и та же фраза. Это работа — ежедневная тренировка труженицы Ольги. Пусть по многу раз одно и то же. Зато как легко и плавно побегут затем пальцы в кружевных мелодиях Шопена, как сильно, драматично прозвучат суровые бетховенские аккорды!

Владимир Ильич погружен в работу. Перед ним на столе грома серьезных книг. Но и работая, он чутко прислушивается к игре сестры. Как хорошо, что музыка рядом! Как привычно, легко работается. А свободные часы брат с сестрой проводят вместе за роялем. Нет, Володя не отважится теперь, как бывало в детстве, играть с Олей в четыре руки. Отстал... Не угнаться уже за ее проворными пальцами. Но к юности у Владимира Ильича оказался голос: небольшой, глуховатый, но приятный баритон. Теперь он не только принимал участие в общем пении, но пел романсы и даже оперные арии под аккомпанемент сестры. Возьмешь сегодня в руки романсы, переписанные когда-то Ольгой Ильиничной, и думаешь с невольной теплотой: это ведь для него старалась сестра достать и переписать любимое...

«Свадьба» Даргомыжского на стихи Тимофеева. Любимый романс революционной молодежи. Ольга тщательно переписывала ноты. Что же привлекло Ленина в этой музыке? По названию романса можно ожидать музыки свадебного веселья: плясового ритма, лихих возгласов, поздравлений и тостов. Ничего этого нет в романсе-балладе * Даргомыжского. Вначале, как это бывает в балладах, звучит спокойная мелодия — рассказ:

Нас венчали не в церкви,
Не в венцах, не с свечами,
Нам не пели ни гимнов,
Ни обрядов венчальных...

Но уже в этих первых строках, несмотря на невозмутимый характер мелодии, — слышится дерзкий вызов старому. А потом плавная мелодия превращается в быстрый, взволнованный речитатив. В звуках встает фантастическая картина: ночной лес, туманное небо, тусклые звезды, утесы и бездны. Не под холодными сводами церкви, а в храме самой природы нашли приют любящие сердца. Привела их сюда «не неволюшка злая», пришли они «по своей доброй воле». И «венки им сплетали любовь да свобода»...

Строфа за строфой чередуется в «Свадьбе» певучий, почти бесстрастный рассказ и бурные эпизоды свадебного пира — могучего праздника природы:

* Баллада — произведение с героическим или фантастическим сюжетом. Повествует о необычных ярких событиях, рассказывая о которых автор как бы сам переживает их.

Гостей угощали
Багровые тучи,
Леса и дубравы
Напились допьяна.
Столетние дубы
С похмелья свалились...

Но вот, словно утомившись, стихает ночная гроза.
Встает ясное утро. Сияет улыбчиво солнце. Сама природа
радуется счастьем молодых:

Поля разрядились
В воскресное платье,
Леса зашумели
Заздравною речью...

«Свадьба» Даргомыжского — гимн большому человеческому чувству.

Каждым звуком, каждым словом песня восстает против угнетения, воспекает свободу, которой радуется сама природа. Вот почему Ильич с такой любовью пел и слушал «Свадьбу».

И еще певал он арию Валентина из оперы Гуно «Фауст». Поставьте пластинку с этой арией и вы услышите: «Бог всемогущий, бог любви! Ты услышь мою мольбу»... Что это? Молитва? О чем же?

Валентин уходит на войну. Его тревожит судьба сестры Маргариты, и он молит бога защитить ее. Вначале ария и звучит смиренно, подобно молитве. Но дальше музыка преобразуется, в ней появляются ритм марша, энергия, сила: «Там, в кровавой борьбе в час сраженья, клянусь, буду первым я в первых рядах», — восклицает Валентин. Это привлекло юношу Ульянова. В клятву Валентина он вкладывал собственную решимость не жалеть жизни в борьбе за свободу народа.

У Ольги Ульяновой был приятный голос, хорошо сливавшийся с голосом Владимира, и они много пели вдвоем. Рукой Ольги переписан дуэт Мендельсона «Осенняя песнь». Нравился ли Ленину этот печальный, красивый напев? Пел ли он его — неизвестно. Но о другом дуэте, который пел Ильич с сестрой, рассказал в своих воспоминаниях Дмитрий Ильич Ульянов — о песне Вильбоа «Моряки» на стихи поэта Языкова. Многие композиторы XIX века сочиняли романтические песни в ритме горделивого полонеза. Так написаны известный романс Варламова «Белеет парус», «Победитель» Глинки. В ритме полонеза

начинается фортепианное вступление к «Морякам» — и дальше твердо и решительно звучит тот же ритм, сопровождающий пение.

Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно.
В роковом его просторе
Много бед погребено,—

начинает певец. Словно одобряя и поддерживая друга, вступает второй голос, и оба призывают:

Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой,
Но туда выносят волны
Только сильного душой.

Они поют о чудесной стране, что лежит «за далью непогоды» и манит отважных, и они готовы к борьбе:

Будет буря — мы поспорим
И поборемся мы с ней!

Молодые Ульяновы с увлечением пели о смелых моряках, а представлялись им иные бури, иная борьба. Героическая музыка помогала им высказать заветные стремления, воспитывать в себе качества непоколебимых борцов.

1886 и 1887 годы принесли Ульяновым два тяжких удара, один за другим. Внезапно скончался Илья Николаевич. По приговору царского суда был казнен Александр. Семнадцатилетний Володя оказался главой семьи — старшим мужчиной в доме. Окончив гимназию, он поступил в Казанский университет.

Брат казненного народовольца был нежелательным студентом в университете, но власти ничего не могли поделать, так как Владимир Ильич блестяще закончил гимназию, с золотой медалью, и имел право на поступление в университет без экзаменов.

После всего пережитого мать не решилась расстаться с сыном. Вся семья переехала в Казань. В университетском городе музыкальная жизнь была богаче, интереснее. За год до приезда Ульяновых здесь открылась музыкальная школа. Ее основал энергичный, образованный музыкальный деятель А. А. Орлов-Соколовский. Занятия велись по программе консерватории. Ольга Ульянова поступила в музыкальную школу. Строгие требования Орлова-Соколовского, высокая дисциплина на его уроках при-

шлись ей по душе. Школа не жила замкнуто: здесь проводились концерты для любителей музыки силами преподавателей и учащихся. Казань — один из первых городов русской провинции, где процветал свой оперный театр. Казанская интеллигенция любила оперу. Газеты с гордостью писали об удачных спектаклях. В оперном театре Казани выступали многие видные артисты. Особенным успехом пользовался тенор Ю. Закржевский.

Во главе оперного дела стоял тот же Орлов-Соколовский. Под его руководством спектакли готовились особенно тщательно. Именно о здешней постановке «Фауста» с таким восторгом писала своей подруге Ольга Ульянова. Опера была отрадой в печальной жизни семьи. Угнетали горькие мысли об утрате отца и любимого брата. После уютного, родного симбирского дома — необжитой, холодный дом, где все зябли. За семьей казненного революционера постоянно следила полиция. Но нужно было жить, нужны были силы для борьбы. Владимир Ильич упорно работал. Изучал труды Маркса. Сразу же вошел в круг революционного студенчества. Утешением и опорой была музыка. Ульяновы посещали Казанский оперный театр.

Вскоре бурные события оборвали, казалось бы, наладившийся порядок жизни. Владимир Ильич был арестован как один из вожakov студенческой забастовки. Теперь — «Прощай, Казань, прощай университет!» (так писали участники забастовки в подпольной листовке). «Прощай, музыка, прощай, опера», — добавим мы. Семнадцатилетний студент Ульянов был исключен из университета и выслан в деревню, где за каждым его шагом неусыпно следила полиция. Лишь через год ему разрешили вернуться в Казань. Дома его ждал сюрприз: билеты в оперу с участием Ю. Закржевского. Шла опера Галеви «Дочь кардинала».

Владимир Ильич страшно истосковался по музыке. Он слушал оперу с волнением и восторгом. Даже ночью ему не спалось. Ворочаясь в постели, он тихонько, чтобы не разбудить домашних, напевал кусочки запомнившихся ему арий. Этот вечер запомнился Ленину надолго. Прошло тринадцать лет, и уже в эмиграции, в Мюнхене, он как-то попал на ту же оперу. «Слушал с великим наслаждением», — сразу написал он матери. В этом письме он вспоминал тот казанский спектакль и пение Закржевского и удивлялся, что многие места хорошо помнил через столько лет.

В КРУГУ СОРАТНИКОВ

Что врезалось в душу с юности — становится потребностью всей жизни. Владимир Ильич не часто позволял себе развлечения. Все силы, все время он отдавал великому делу революции. Его трудно было оторвать от письменного стола, нарушить установленный режим рабочего дня. Да и денег всегда было в обрез. Но все же жить без музыки Ленин не мог. И если представлялась возможность послушать хорошего музыканта, он не мог устоять. Близкие пользовались этой «слабостью» Ильича, чтобы он хоть немного отдохнул. В годы эмиграции Ленин часто писал матери. Из писем его и Надежды Константиновны можно узнать и об их музыкальных впечатлениях: «...чуть не каждый вечер куда-нибудь ходим, и в театре немецком несколько раз были, и в концерте. Смотрим народ, местную жизнь, здесь ее удобнее наблюдать, чем где бы то ни было. Володя очень увлекается этими наблюдениями, увлекается и этим, так же как всем, что он делает...»

Если попадался неинтересный спектакль или концерт, Владимир Ильич, разочарованный, уходил с середины. Но вот в Париже они терпеливо сидели на плохом спектакле, потому что в антрактах была чудесная музыка: Чайковского, Римского-Корсакова, Бородина. Зимой 1903 года в Лондоне они впервые выбрались на симфонический концерт, и им посчастливилось: исполнялись произведения Вагнера, Гумпердинка, Сен-Санса, и как могучий утес в программе высилась Шестая симфония Чайковского. Владимир Ильич написал матери кратко, что концерт был хорош, и они остались довольны «Особенно последней симфонией Чайковского (Simphonie pathétique *)».

Ленин любил музыку Чайковского — его оперы, певучие мелодии инструментальных пьес, печальное раздумье

* Патетическая симфония.

романсов. Можно представить себе, какое высокое наслаждение принес ему этот лондонский концерт, где он, должно быть, впервые услышал грандиозную Шестую симфонию — страстную и глубокую повесть о человеке, его страданиях и надеждах, о стремлении к счастью и скорбном, печальном конце.

Старый большевик Е. П. Онуфриев познакомился с Лениным в 1912 году в Праге. Петербургские рабочие послали его, тогда еще молодого члена партии, делегатом на Пражскую конференцию большевиков. Когда приезжих расселяли по квартирам чешских рабочих, Владимир Ильич позвал Онуфриева к себе: у него в комнате была вторая койка. Евгений Петрович жил с Ильичом и все дивился: где только берутся силы для работы у этого человека? Ежедневно по 8—10 часов Ленин руководил конференцией, а придя домой отдыхал всего 10—15 минут. Выпьет чаю, поиграет с хозяйским ребенком и до поздней ночи сидит за письменным столом. Онуфриеву казалось, что для Владимира Ильича не существует ничего на свете, кроме работы. Но ему пришлось снова удивляться: на улице появилась афиша — в Пражской опере пойдет «Евгений Онегин». В заглавной роли выступит русский певец Бакланов. Ильич загорелся. Собрал группу делегатов и отправился в театр. Евгений Петрович почувствовал, что Ленин от всей души наслаждается музыкой. Он весь сиял, громче всех аплодировал и вызывал артистов...

Живя в эмиграции в разных странах, Владимир Ильич посещал и хорошие концерты, и оперные спектакли. В Цюрихе его видели на опере Вагнера «Валькирия». Владимир Ильич оживленно беседовал с польским революционным деятелем А. Краевским. Краевский слыл большим знатоком и поклонником творчества Вагнера. Ленин с большим интересом расспрашивал Краевского об особенностях вагнеровской музыки.

Замечательный эпизод связан с оперой «Кармен». Было это в последний день 1903 года в Женеве. Только что закончилось партийное собрание с острыми спорами, горячей перепалкой. Всех зажгла речь Ленина. Он говорил о приближении революционных событий, будущих боях с царизмом. Взволнованные, возбужденные вышли на улицу русские большевики и... остановились как вкопанные. Везде зажигались праздничные огни, люди с покупками в руках спешили по домам. Через несколько часов каждый в кругу близких встретит Новый год! И вдруг всех пронзи-

ла одна и та же мысль. Все с печалью вспомнили о Родине. Горько чувствовать себя одиноким в чужой стране, и особенно в такие дни. Владимир Ильич понял тоскливые думы товарищей. Он не стал прощаться с ними, а весело предложил провести вместе праздничную ночь, пойти в оперу — давали «Кармен». Что может быть удачнее? Всей гурьбой отправились в театр.

Раздались ликующие звуки увертюры. Перед зрителями засверкали яркие краски испанского города. Хозе ведет смену караула, за солдатами весело маршируют мальчишки. На сцену высыпали с песней работницы. Кармен запела знаменитую «Хабанеру». Музыка увлекла, очаровала всех.

После спектакля улица встретила русских друзей карнавалом. Женева праздновала традиционный новогодний праздник освобождения — «Эскаладу» *. Слышались звуки «Марсельезы», «Карманьолы». Все пело и плясало, мелькали ленты серпантина, сыпался разноцветный дождь конфетти. Ильич и его товарищи быстро образовали круг, кольцом охватили какую-то веселую группу масок, запели, закружились в хороводе... На душе было хорошо, все чувствовали себя сплоченными, сильными, счастливыми.

Многие из соратников Ленина были хорошими музыкантами. И музыка у большевиков-ленинцев была в почете. В годы эмиграции в местах их встреч и собраний всегда стояло взятое напрокат фортепиано.

В Женеве, например, своеобразным клубом была столовая, организованная большевиками супругами Лепешинскими. Столовая Лепешинских, конечно, угощала своих посетителей-большевиков не только обедами. Здесь собиралась женевская большевистская группа, сюда приходили послушать доклад и поспорить, здесь не раз выступал Ленин. Столовая помещалась в первом этаже. Внутри, за большими стеклянными витринами, стояли шесть простых деревянных столов, несколько десятков стульев и пианино. Иной молодой партиец, присланный

* Эскалада — слово из старого военного обихода — лестница, при помощи которой солдаты взбирались на стены крепости. Праздник «Эскалада» связан с таким преданием. В давние времена Женеву кольцом окружили войска иноземцев. Все жители города встали на его защиту. Мужчины сражались в войсках, а женщины и дети поднялись на крепостные стены. Они непрерывно кипятили воду и обливали кипятком противников, пытавшихся подняться вверх. И победили врага. Эту победу и отмечают ежегодным карнавалом.

к Ленину из России, приходил по указанному тщательно зашифрованному адресу и заставлял такую картину: вокруг рояля сидит группа людей. В чуткой тишине звучит скрипка. Ее сменяет яркий, сочный баритон. А рояль не умолкает ни на минуту. Только иногда один пианист уступает место другому. Музыканты разные. Одному удаются народные песни, другому — оперные арии. А то вдруг все сидящие превращаются в дружный, слаженный хор. По блеску глаз, по задумчивым теням на лицах, по счастливым улыбкам чувствуется, как дорога, как нужна этим людям музыка. О тех, кто вместе с Лениным готовил революцию, теперь написаны книги. Сами названия некоторых книг и статей говорят о том, что было делом их жизни: «Солдат революции», «Подпольщик, воин, чекист». Но рассказывая о них, авторы хоть мимоходом, хоть несколькими строчками, да упомянут о музыке. И мы узнаем, что Серго Орджоникидзе чудесно пел грузинские песни, а Петр Запорожец (соратник молодого Ленина еще по «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса») так любил музыку, что даже бледнел от волнения, когда слушал ее. Когда Ильич просил его спеть что-нибудь украинское, он запевал прекрасную задумчивую песню об украинском народном герое Кармелюке:

За Сибіром сонце сходить.
Хлопці, не зівайте,
Вы на мене, Кармалюка,
Всю надію майте.

Среди товарищей Ильича по партии был молодой юрист П. А. Красиков. Дружба Ленина с Красиковым завязалась еще в Красноярске и продолжалась всю жизнь. Красиков оказался не только убежденным сторонником Ленина, но и талантливым, неутомимым работником партии. Никто искуснее его не мог провести за нос шпики и жандармов. В спорах с противниками он был силен, находчив, остроумен. Ему дали даже партийную кличку «Шпилька». Но другая партийная кличка Красикова была «Музыкант». И правда, Петр Ананьевич недурно пел, играл на фортепиано, хорошо знал оперу, особенно Вагнера. Среди его нот и сегодня сохранились все вагнеровские оперы. Но особенно Красиков любил скрипку. В Красноярске участвовал в любительских квартетах — исполнял партию первой скрипки. В его игре пленяли прежде всего удивительная мягкость и певучесть звука, поэтому соратникам Красикова особенно запомнились в его исполнении такие

мелодичные пьесы, как Баркарола Чайковского или Каватина Раффа.

Скрипка Красикова была всегда с ним. Он не расстался с нею даже тогда, когда надо было нелегально, незаметно для стражей пересечь границу. В футляре скрипки порой скрывались прокламации, напечатанные на тонкой бумаге. Часто после собрания Ленин просил Красикова поиграть; скрипка оказывалась под рукой, Красиков настраивал ее, проводил смычком по струнам, проверяя, — и лилась нежная мелодия Баркаролы из «Времен года» Чайковского. Ильич, задумавшись, слушал игру друга.

Скрипка Красикова славно поработала и «повидала» много интересного. Ее слушал сам Ленин. А теперь она находится в Москве, в Государственном музее музыкальной культуры рядом с портретом своего бывшего хозяина*.

В воспоминаниях о Ленине часто читаешь: «Пел Гусев»... «Ильич просил Гусева спеть»... «Владимир Ильич очень любил пение Гусева»...

Имя Сергея Ивановича Гусева, крупного военно-политического работника, соратника Фрунзе и Тухачевского, стало широко известным в годы гражданской войны. О Гусеве написана книга «Солдат революции». В детские годы у него был чудесный голос, и петь он мог без конца. За это в деревне мальчишка получил прозвище «Певун». А когда он вырос, детский голос превратился в красивый, сильный баритон. Дорога в консерваторию не была для него закрыта, но Гусев сам выбрал другую — трудную дорогу революции. Аресты, ссылки, невероятно смелые побеги — и снова умная, умелая партийная работа в разных городах. В 1896 году он поступил в Технологический институт в Петербурге и сразу связался с революционным подпольем: стал членом «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В столице юноша, конечно, старался побывать в опере, послушать хороших певцов. Однажды вместе с приятелями-студентами он попал в Мариинский театр на «Пиковую даму». Партию Германа блистательно пел знаменитый тенор Николай Фигнер. Публика много раз вызывала артиста. Выходя на вызовы, Фигнер вдруг слышал с галерки: «Браво, Фигнер!» — и тот же прекрасный молодой

* Скрипку эту передал в музей сын П. А. Красикова, Петр Петрович, по примеру отца ставший скрипачом.

баритон повторил фразу из только что спетой арии Германа. Фигнера поразила красота этого голоса, и он послал капельдинера наверх — разыскать певца. Гусева провели за кулисы. Его попросили спеть. Сергей Иванович запел, а артист громко восхищался свежестью и красотой его голоса. Фигнер принялся горячо уговаривать Гусева поступить в императорскую оперу, сулил ему прекрасное будущее. Но студент наотрез отказался. Свою дорогу он уже выбрал твердо: в «Союзе борьбы», вместе с Лениным.

Фигнер расстался с Гусевым недружелюбно. Сергею Ивановичу было известно, что в то время как Фигнер, осыпанный царскими милостями, купался в славе, его родная сестра революционерка Вера Фигнер была заточена на всю жизнь в Шлиссельбургскую крепость. Юноша не утерпел и глядя в глаза любимцу публики заметил: «Всякому свое... одному быть солистом труппы его императорского величества, другому...» Фигнер понял намек. Он едва кивнул студенту и отвернулся.

Много раз Гусев-певец «помогал» в партийных делах Гусеву-большевику. В оренбургской ссылке, где он провел около двух лет, Сергей Иванович считался не только сильным марксистом, но и лучшим певцом среди ссыльных. Где был Гусев, там жила песня. В начале девятисотых годов Гусева направили на партийную работу в Ростов в подпольный Донской комитет партии. Подготавливая многотысячную стачку рабочих, он писал пламенные прокламации, выступал с речами. Не хуже речей и листовок действовала его песенка про «Качалу-Мочалу». На одном ростовском заводе был свирепый мастер — предатель по прозвищу «Качала-Мочала». Гусев сочинил про него язвительную песенку. Молодежь распевала ее открыто, вызывая, и песня спланировала в борьбе, учила не бояться хозяев и их прихвостней. Молодежь шла за смелым, хотя с виду неуклюжим Гусевым, за своим «Медвежаткой».

В 1903 году Гусев приехал в Бельгию: он был избран делегатом Второго съезда партии, который тайно собрался в Брюсселе. Полиция выслеживала съезд. В свободный час товарищи окружали Гусева и требовали песен, а Сергей Иванович петь не отказывался. Об этих днях пишет Надежда Константиновна Крупская: «Делегаты шумным лагерем расположились в „Золотом петухе“, а Гусев... таким могучим голосом пел по вечерам оперные арии,

что под окнами отеля собиралась толпа (Владимир Ильич очень любил пение Гусева)...»

Вышла неприятность: пение Гусева привлекло не только любопытных брюссельцев, но и полицию. Сергей Иванович первым заметил слежку. Нелегко было делегатам укрыться от шпикиов. А съезду пришлось перебраться в Лондон.

Гусева любили слушать всегда: и в Женевской большевистской столовой, которую по мере надобности превращали в зал собраний или «художественный клуб», и в Стокгольме в дни Четвертого партийного съезда, а порой и просто дома «у Ильичей». Когда товарищи собирались вместе, Ленин неизменно просил Сергея Ивановича спеть. И тот запевал то романс Калининкова «На старом кургане» — про вольного сокола, прикованного цепью, то куплеты Тореадора, то мечтательные романсы Чайковского, то любимую Ильичом «Свадьбу» Даргомыжского.

И каждый раз после недолгого пребывания за границей Гусев с новыми указаниями Ленина, с новым приливом сил возвращался в Россию. Здесь его ждала опасная и сложная работа, неминуемые аресты, тюрьма, ссылка.

В 1906 году, вернувшись из Стокгольма, Гусев был арестован в Москве. К счастью, его взяли с подложным паспортом на имя мещанина Ивана Кулебякова. А то ведь еще за ростовскую стачку ему грозил смертный приговор. В тюрьме «Ивана Кулебякова» ценили как знатока литературы и прекрасного исполнителя оперных арий. В своей камере он составил вокальный квартет, и певцы услаждали слух заключенных песнями разных народов. «Иван Кулебяков» был сослан в город Березов Тобольской губернии. План побега он вырабатывал еще по пути в Сибирь, но осуществил его почти через два года.

В Березове Гусев предложил свои услуги как учитель пения. Он часто пел у берега Оби. Его большой голос свободно разносился и долетал с одного берега реки до другого. Тобольские любители музыки прослышали о прекрасном пении ссыльного учителя. Они задумали поставить отрывки из оперы «Паяцы», но затея не получалась: не было исполнителя партии Тонио. А у Гусева как раз был баритон, и березовцы упивались его исполнением Пролога из «Паяцев». Кружок любителей упросил исправника разрешить ссыльному принять участие в спектакле, и Гусев поехал в Тобольск. Загримированный, в костюме клоуна он появился перед публикой: «Итак, мы начинаем!» —

гремел его голос. Спев Пролог, Гусев как был, в гриме, выбежал на улицу, вскочил в ожидавшие его сани и скрылся из виду. Он уехал в небольшой город Касимов, там жил один из его друзей. В Касимове он выдал себя за оперного артиста Грэна, приехавшего в тихий городок отдохнуть. Он не только не скрывался, но даже явился с визитом к исправнику, пел в светском кругу, обещал «после отдыха» дать сольный концерт в Касимове. Как же был сконфужен очарованный любезностью артиста исправник, когда внезапно за Гусевым явилась полиция. Но «Грэн» от ее глаз был уже очень далеко.

Среди людей, окружавших Ленина, обращала на себя внимание умом, образованностью, яркой красотой Инесса Федоровна Арманд. Партия доверяла ей важные дела. И когда Инесса вступала в спор с противниками большевизма или появлялась на большом митинге, или вела занятия с рабочими, никто не мог бы представить себе эту красавицу в роскошной гостиной. А между тем она пришла в партию именно оттуда. Жизнь ее сложилась необыкновенно.

В 1881 году из Франции в Москву приехала преподавательница французского языка и музыки. Оба эти предмета были в моде у русских богачей, и француженка рассчитывала на хорошие заработки. Она привезла с собой старушку-мать и шестилетнюю племянницу-сироту Инессу. Взрослые заботились о малютке. Ее обучали наукам, языкам, игре на фортепиано. Годы летели. Маленькая француженка выросла и стала изящной девушкой с огромными светлыми глазами и золотистой косой. В 18 лет она вышла замуж за сына крупного фабриканта Арманда. Но прошло несколько лет, и госпожа Арманд, супруга известного богача и мать пятерых детей, оказалась за тюремной решеткой. Она стала горячей сторонницей большевиков.

Должно быть, не просто отказаться от легкой обеспеченной жизни. Но решение Инессы было твердым: революционеров не страшили ни тюрьмы, ни ссылки, ни скитания по чужим странам.

Инесса была незаурядной пианисткой. Куда бы ни забрасывала ее безжалостная судьба, с ней было любимое искусство. В ссылке, в захолустной Мезени на берегу Белого моря, она прослышала, что у местного богача есть пианино и вызвалась учить его детей французскому языку только за то, чтобы иногда пользоваться инструментом

«У меня будет фортепиано, и я этому радуюсь — очень, очень хочется играть, особенно в грустные минуты,— это так успокаивает и примиряет»,— позже писала она дочери Инне из Швейцарии.

Горько жить в разлуке с любимыми детьми. Повидать их удастся очень редко. В своей же стране приходится жить в подполье, скрываться под чужими именами. Лишь изредка выпадало короткое счастье побыть с детьми. Тогда в семье устраивались свои музыкальные вечера. Каждый из детей просил сыграть его любимое произведение, и мать играла без усталости. Теплело на сердце от этой встречи и радовало, что ее дети не растут равнодушными к музыке.

Что же играла детям Инесса? Ближе всего был ей Бетховен. В скитаниях по свету она не расставалась с томом его сонат. Много играла Шопена — особенно его мазурки. Они такие разные, и каждая по-своему прекрасна. Одни — нежные, поэтичные, другие — грубовато-веселые, словно сценки народного праздника. В мазурках Инесса открывала черты протеста, революционности*. Часто дети просили ее сыграть Фантазию-экспромт Шопена или блестящие рапсодии Листа, или пьесы Шуберта, или что-нибудь из Рахманинова.

Старшая дочь, Инна Александровна, любила издали наблюдать мать за роялем, когда та играла одна, без слушателей. Она по многу раз повторяла один и тот же отрывок музыки, порой одну и ту же фразу, придавая ей разные оттенки, стараясь глубоко проникнуть в замысел композитора, найти ключ к произведению.

В 1909 году Инесса Арманд встретила с Лениным, а через год переехала в Париж. Она быстро заняла видное место среди здешних работников партии и сблизилась с семьей Владимира Ильича. Надежда Константиновна позднее писала о ней так: «...Инесса была хорошая музыкантша, сагитировала сходить всех на концерты Бетховена, сама хорошо играла многие вещи Бетховена. Ильич особенно любил „Sonate pathétique“**. Просил ее постоянно играть — он любил музыку».

В Париже Инесса Федоровна сняла комнатку у русского рабочего Мазанова. В ее комнате вскоре появился

* Такими считал их и композитор Шуман. Он называл мазурки Шопена «пушками, спрятанными в цветах».

** Патетическую сонату.

инструмент, и теперь свободные часы она отдавала музыке. Часто бывал у Мазанова его земляк, революционер И. С. Гречнев-Чернов. Он приносил с собой скрипку. Вдвоем с Инессой они играли сонаты для скрипки Бетховена и Моцарта, играли Баха, Шуберта, Шумана, Венявского, скрипичные вариации Берио и ноктюрны Шопена. Иногда в комнату тихо входил Владимир Ильич — один или с Надеждой Константиновной. Он усаживался в кресло позади рояля и долго молча слушал. Часто просил повторить Легенду Венявского или ноктюрн Шопена (ми-бемоль мажор) и конечно дорогого его сердцу Бетховена. В 1914—1915 годах в Швейцарии Инесса Арманд жила в одном доме с Лениным, и тут повторилась картина его юности: до обеда Владимир Ильич и Надежда Константиновна работали на воздухе, в саду, и к ним доносилась из дома игра Инессы. Музыка возбуждала фантазию, помогала работать.

Трудно найти слова, чтобы по достоинству оценить, чем была музыка в жизни маленькой русской колонии большевиков, сплотившихся вокруг Ленина. Слушали ее не только в театральном или концертном зале. В 1903—1904 годах после Второго съезда партии произошел раскол между большевиками и меньшевиками. Многие очень тяжело переживали его. Ленин и Крупская придумали тогда устраивать у себя маленькие вечера для товарищей по партии. На этих вечерах царила музыка. Пел романсы и арии Гусев, пели все хором. Особенно отличалась озорная голосистая «Зверка» (партийная кличка М. М. Эссен), только что бежавшая из ссылки. «Она дразнила всякого, кто вешал нос на квинту, кто вздыхал по поводу раскола», — рассказывала Надежда Константиновна. Эссен заводила озорную, залихватскую песню. «Не унывай, Егор, — кричала она пригорюнившемуся рабочему. — Валяй „Ваньку“, наша возьмет!» И Егор веселел, подхватывая песню про Ваньку. Прояснялось лицо Ильича. «Каким отдыхом, каким удовольствием для Владимира Ильича были наши песни! — подтверждает сама М. Эссен. — Под конец пела я тягучие волжские песни и разные частушки. Иногда и в пляс пускались».

В жизни партии, в ее революционной борьбе бывали и очень горькие, мрачные дни. Так случилось после бурных месяцев 1905 года, когда первая русская революция была потоплена в крови. Вскоре после событий 1905 года Владимир Ильич приехал в Финляндию и жил у друзей

в Сейвисто близ маяка Стирсуден. Навалилась страшная усталость, хотелось тишины, безлюдья. У приютившего его профессора Книповича жила родственница — Ксения Ивановна, консерваторская певица. И даже в эти невероятные трудные дни Ильич прибегал к музыке как к освежающему ручью. Вместе с товарищами он чутко и благодарно слушал прекрасное пение Ксении Ивановны.

Болгарский оперный артист Петр Райчев встретился с Лениным в Италии, на острове Капри, у Горького. Певец выступал в итальянской опере, жил близко от виллы Горького и часто бывал у него. По вечерам собирались на террасе за чашкой чая, вели беседы и жаркие споры. Владимир Ильич предлагал: «А теперь вспомним о Родине». И каждый должен был рассказать о России. Когда очередь доходила до Райчева, Ленин обычно говорил ему: «Вы нам не рассказывайте ничего, лучше спойте несколько русских романсов и болгарских песен. Таким образом вспомним о вашей и нашей родине». И Райчев пел, не скупясь, разные романсы и песни. Однажды во время его пения Ильич углубился в шахматы и, казалось, не замечал ничего вокруг. Райчев пел романс Ипполитова-Иванова «Вставайте, вожди». Прозвучала последняя фраза романса. Владимир Ильич поднялся и протянул руки певцу: «Вот это песня! Благодарю, очень благодарю!»

«Глаза его пылали,— пишет Райчев.— Он крепко пожал мне руки, с чувством повторив последние слова песни:

Плачет и стонет великий народ».

В музее В. И. Ленина в Москве можно увидеть портрет человека в военной форме времен гражданской войны. В упор глядят на вас со стены его огромные горящие глаза. Это Михаил Сергеевич Кедров.

Кедров ушел в революцию из обеспеченной семьи, пренебрег беззаботной жизнью. Первым его шагом было участие в студенческих волнениях в Московском университете. Как один из вожakov движения он был исключен из университета. Через год Кедров был арестован за участие в студенческих волнениях в Ярославле. Последовала ссылка на север.

В 1905 году Кедров создал на хуторе под Костромой лабораторию, где тайно изготовлялись бомбы и гранаты для рабочих боевых дружин. Товарищи в шутку прозвали лабораторию оружейным заводом Кедрова. Много раз

бывал он в тюрьмах и ссылках. Но тяготы ссылок и тюремные одиночки не убавляли революционного пыла. В неволе он закалял силы, читал марксистские труды. В тюрьме Кедров даже стал самостоятельно изучать медицину. Была у него и другая страсть — музыка. К ней он привязался с детства. Беспокойная жизнь революционера-подпольщика не погасила этой страсти. Кедров был прекрасным пианистом. Игра его была темпераментной, мужественной. Он любил музыку глубокого содержания, больших чувств: в кругу друзей и в концертных залах он исполнял сонаты Бетховена, Первую балладу и прелюдии Шопена, «Лесного царя» Шуберта — Листа.

Со свойственной ему смелостью и энергией Кедров организовал издание ленинских работ. Был в переписке с Владимиром Ильичом, но не знал его лично. Их встреча произошла в 1913 году в неожиданной обстановке. Тогда Кедров жил в Швейцарии, учился на медицинском факультете в городе Берне. Здесь, как и всегда, он охотно участвовал в концертах. Сборы с них обычно шли на дело революции. Михаил Сергеевич организовал трио, аккомпанировал певцу-любителю, тоже большевику, Трояновскому. Чаще всего они исполняли вместе «Два гренадера» Шумана, «Как король шел на войну» Кенемана — любимые романсы революционно настроенной публики.

В том же 1913 году Владимир Ильич привез заболевшую Надежду Константиновну в одну из клиник Берна. В свободный вечер он пошел на концерт в пользу русского студенчества. На эстраду вышел незнакомый молодой пианист. Ленину он очень понравился. Каково же было его удивление, когда оказалось, что этот музыкант — его соратник, пропагандист и издатель его трудов! Они познакомились, долго беседовали. Владимир Ильич искренно похвалил игру Кедрова. Между тем концерт окончился, начались танцы. Ленин простился и, уходя, сказал Кедрову: «Как-нибудь зайду к Вам... музыку послушать». Михаил Сергеевич был очень обрадован похвалой Ленина, но никак не ожидал, что его игра глубоко тронула Ильича. А тот через несколько дней появился в доме Кедрова. Хозяева были взволнованы и смущены, но Владимир Ильич вел себя так приветливо и просто, что вся семья почувствовала в великом человеке доброго друга. Даже девятилетний сынишка Кедрова задал Ленину какой-то мудреный вопрос. Ильич погладил мальчика по голове и ответил ему стихами:

Вырастешь, Саша, узнаешь —
Все расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...

Это был отрывок из поэмы Некрасова «Дедушка», поэмы о декабристах. С детства Ленин помнил ее наизусть.

Хозяина дома усадили за рояль. Он нерешительно перебирал клавиши. Что сыграть Ленину? Потом воодушевился и стал играть все, что помнил. Но играя, наблюдал за своим гостем и заметил, что нравится Ленину, а что оставляет его равнодушным. Так он понял, что шумные, блестящие, но поверхностные произведения неприятны Ильичу, что не выносит он в музыке слащавости, что ближе всего ему волевая, глубокая музыка.

Еще не раз до отъезда из Берна посещал Ильич их маленький домик. Сидел на балконе, увитом цветами, любовался оттуда вершинами Альп... И просил Михаила Сергеевича еще и еще раз повторить особенно полюбившиеся ему сонаты и увертюры Бетховена *.

Ленину запомнилось проникновенное и сильное исполнение Кедрова. А через четыре года грянул в России Октябрь. Кедров в то время был уже военным врачом в русской армии. После революции партия поручила ему работу в военной организации большевиков. Солдаты попросту называли ее «военкой». «Военка» открыла в Петрограде солдатский клуб. Здесь бойцы отдыхали. Для них устраивали лекции и концерты. Здесь давали и напутствия уходящим в бой. Не раз в клубе слушали выступления Ленина. Во время одной из встреч с фронтовиками, когда хотелось сказать людям что-то особенно близкое их сердцу, Михаил Сергеевич вдруг открыл крышку рояля, на который опирался, беседуя с солдатами, и сказал: «Я хочу сыграть для вас „Лесного царя“ Шуберта — Листа. Когда-то эту музыку любил слушать наш Ильич». По залу пробежал шумок. Имя Ленина связывали только со словами «борьба», «революция», но не со словом «музыка». И совсем непривычно было видеть за роялем не артиста во фраке, а красного командира в суровой военной форме. Кедров кратко объяснил содержание «Лесного царя» и сел

* Фотографию этого домика сделал в 1950-е годы сын М. С. Кедрова, академик Б. М. Кедров. Бонифаций Михайлович Кедров и есть тот мальчик, которому довелось в девятилетнем возрасте так близко общаться с Лениным.

к роялю. Все притихли. Каждому хотелось проникнуть в музыку, понять, что говорила она великому вождю.

А поиграть для самого Ленина Кедрову больше не пришлось. Вскоре его назначили командующим Северным фронтом. В очень трудный для страны момент он приехал с докладом к Ленину. Председатель Совнаркома выслушал по-военному краткий доклад командующего, сделал нужные указания и вдруг спросил Кедрова, занимается ли он теперь музыкой. Михаил Сергеевич смущенно ответил, что очень немного, да и то ночью... Ильич тепло взглянул на него и задумчиво произнес: «Хотелось бы мне Вас послушать...»

Еще не раз встречался Кедров с Лениным в деловой обстановке. О встречах за роялем в те бурные и грозные времена и мечтать не приходилось. Но на всю жизнь запомнил Михаил Сергеевич тихие вечера в Берне и своего неповторимого слушателя.

После командования Северным фронтом Кедров стал чекистом, соратником Дзержинского. Чуткий Феликс Эдмундович знал его не только как бесстрашного и твердого чекиста, но как человека большого сердца. Знал он и Кедрова-музыканта. Когда вышел указ о присвоении М. С. Кедрову звания Почетного чекиста и награждении его ценным подарком, ему подарили прекрасный белый рояль. И долго еще на этом рояле звучали те самые произведения, что когда-то в Берне Михаил Сергеевич играл для Ленина.

Слушать музыку — своего рода талант. Таким талантом слушателя обладал Ленин. Он словно выключался из окружающей обстановки и весь погружался в звуки. П. Лепешинский наблюдал, как, слушая пение Гусева, «Владимир Ильич, откинувшись на спинку дивана и охватив руками колени, весь уходил при этом внутрь самого себя и, видимо, переживал какие-то глубокие, одному ему ведомые настроения...»

Ленин, погруженный в Музыку. Какая увлекательная и какая трудная задача для художника! Решить ее пытались многие. На рисунке художника Николая Жукова Владимир Ильич сидит в кресле, чуть подавшись вперед. Рядом с ним не видно ни других слушателей, ни даже музыканта. Здесь они или нет — Ильич весь ушел в звуки, он наедине с самой музыкой. Этот рисунок художник назвал по имени одной из бетховенских сонат — «Аппассионата».

МУЗЫКА — РЕВОЛЮЦИИ

Чем больше читаешь и слушаешь воспоминания о Ленине, тем становится яснее, что Владимир Ильич хорошо знал и любил множество музыкальных произведений — от симфоний и опер до простых песен. Его трогала задумчивая Легенда Венявского и приводила в восторг блистательная музыка «Кармен» Бизе. Он проникался глубокой печалью прелюдий Шопена. Но более всего была близка ему музыка Бетховена. Это имя называют все, кто близко знал Ленина, кто садился за рояль по его просьбе.

Невольно думаешь: что заставляло Ленина искать встреч с музыкой Бетховена? Чем увлекала его музыка великого немецкого композитора? И тогда обращаешься к самому Бетховену. Вот портрет Бетховена. Вглядитесь в его черты: сурово сдвинутые брови, твердый взгляд под шапкой непокорных волос. Видно, нелегко давалась этому человеку жизнь.

Людвиг ван Бетховен родился в 1770 году — за сто лет до рождения Ленина. Родина его — небольшой немецкий город Бонн, в те времена центр княжества. Владыка княжества — курфюрст. На него трудились и крестьяне, и ремесленники, и музыканты. И дед и отец Людвиг работали в княжеской капелле. Музыка вошла в жизнь мальчика вместе с колотушками: жестокий и нетерпеливый отец хотел поскорее сделать из него музыканта.

В 12 лет мальчик уже на службе. Он — помощник придворного органиста. Многие завидовали ему: не так-то легко было получить это место. Впрочем, работал он пока бесплатно. Авось уйдет из капеллы состарившийся музыкант или уедет кто-либо в другой город. А работать все равно нужно, как взрослому. И Людвиг являлся на службу, как полагалось, в придворной одежде: фрак, шелковые чулки, башмаки с пряжками, цилиндр и даже шпага на боку. Непослушные вихры стянуты тугой косичкой

напудренного парика. И так же должны быть стянуты собственные мысли. Князь не любит вольнодумцев. Вольготно живет при дворе лишь льстецам и подхалимам.

Людвиг рос молчаливым, замкнутым. Но в замкнутом юноше-музыканте жила большая любовь к человеку. Вспомните песенку Бетховена о бездомном мальчугане с ручным сурком на плече. В поисках крова и хлеба бродит он из края в край, прижимая к груди единственного друга — зверька. Ласковая, тихая мелодия будит в каждом добрые чувства к одинокому мальчику и всем его бесприютным ровесникам...

Пришел 1789 год — по городу прокатилась весть: во Франции свершилась революция. Немецкие власти не жалели сил, чтобы растоптать слабые ростки вольных мыслей. Но поздно! Искра свободы уже попала в душу Бетховена и разгоралась все жарче. Что дороже — музыка или свобода? Обе слились для него в одну могучую силу.

Музыка должна звать людей на борьбу за свободу и счастье! В те годы Бетховен сочинил песню «Свободный человек». Вот ее слова: «Свободен тот, кто ничего не может потерять, если он отдал имущество и жизнь за свободу, для кого ничего не значит преимущество рождения и титул, кто перед смертью дерзко смотрит на гробовую ступень и на пройденный путь». Мелодия этой ранней песни очень напоминает тему торжествующего финала великолепной Пятой симфонии, написанной через пятнадцать лет.

В 22 года Бетховен уехал из Бонна в Вену. В Вене молодой музыкант окунулся в яркую, богатую музыкальную жизнь. В парках звучали народные песни. Четыре театра ставили оперы. Здесь жили маститые композиторы.

В Вене Бетховен подробно узнал о событиях во Франции: он познакомился с послом революционной Франции, с музыкантами из его свиты. Люди, приехавшие оттуда, где родилась бессмертная «Марсельеза», рассказали ему, как во Франции музыканты сражались вместе с народом, создавали гимны революции, устраивали народные торжества в ее честь. А здесь, в Вене, музыка еще служила аристократам. Бетховен не мог пожаловаться на невнимание к себе. Богачи осыпали его подарками, но, несмотря на все милости, оставались ему чуждыми. Однажды князь Лихновский, у которого гостил Бетховен, предложил ему сыграть для офицеров вражеской армии. Бетховен наотрез отказался, ушел в свою комнату и заперся на ключ. Князь

обиделся и в порыве гнева приказал взломать дверь. Бетховен замахнулся на него стулом и тут же, ночью, в проливной дождь ушел из княжеского замка. А назавтра Лихновский получил его письмо: «Князь! Тем, чем Вы являетесь, Вы обязаны случайности рождения. Тем, чем я являюсь, я обязан самому себе. Князей существует и будет существовать тысячи, Бетховен же лишь один».

Бетховен вовсе не был заносчивым гордецом. Но он признавал великую силу искусства, а его талантливых творцов ставил выше всех королей мира. Чванство богачей ему претило. Он высмеивал даже собственного брата, зажиточного аптекаря, который заказал себе визитные карточки с надписью: «Иоганн ван Бетховен, владелец имения». Людвиг послал ему свою карточку — «Людвиг ван Бетховен, обладатель мозга»...

Творчество Бетховена было таким же, как и сам композитор: сильным, прямодушным, непокорным и полным веры в человека.

Все явственнее стали звучать в музыке Бетховена призывные звуки труб, ликующие ритмы революционных песен. Впервые в таких, казалось бы, далеких от жизни произведениях, как сонаты и симфонии, зашумели вихри жизненных бурь, появился образ героя-борца, бесстрашно, непреклонно идущего им навстречу.

Трудно было такой музыке пробивать свой путь: ведь он проходил через гостиные аристократов, ненавидевших революцию и пугавшихся ее даже в искусстве. Но Бетховен шел своей дорогой.

На этом трудном пути его подстерегала грозная беда. На двадцать шестом году Бетховен стал терять слух. Болезнь развивалась неумолимо быстро, и вскоре композитор перестал слышать звуки окружающего мира. Человеку, заговорившему с ним, он протягивал карандаш и тетрадь. Так появились «разговорные тетради» Бетховена, сохранившиеся до наших дней. Отчаяние охватывало музыканта, но он не сдавался: «Я схвачу судьбу за глотку, совсем согнуть меня ей не удастся», — писал Бетховен.

Глухой музыкант продолжал сочинять. Он не мог слышать, как звучат в оркестре его симфонии, но музыка наполняла его, он слышал ее своим внутренним слухом. Из-под его пера в этот период вышли самые вдохновенные произведения.

«Музыка должна высекать огонь из человеческих сердец», — сказал Бетховен. Именно такой музыкой стали

его симфонии, увертюры «Эгмонт» и «Кориолан», фортепианные сонаты «Лунная», «Патетическая», «Аппассионата». Музыка Бетховена, самое его имя связаны в сознании людей с священными словами «свобода», «борьба». Через страдание к радости, через борьбу к победе,— говорит нам музыка Бетховена.

Русский поэт-революционер XIX века Н. Огарев написал стихи в память казненных декабристов и назвал их «Героическая симфония Бетховена»:

Я вспомнил вас, торжественные звуки,
Но применил не к витязю войны,
А к людям доблестным, погибшим среди муки
За дело вольное народа и страны...

Ромен Роллан, французский писатель и музыкант, создал несколько замечательных книг о великом Бетховене. В одной из них он писал: «Многие славили его величие, как художника. Но он гораздо больше, чем первый из музыкантов. Он представляет собой самую героическую силу новейшего искусства. Он — величайший и лучший друг тех, кто страдает и борется». Максим Горький в 1917 году попросил Романа Роллана написать книгу о Бетховене для юношества; Горький писал ему: «Наша цель — внушить молодежи любовь и доверие к жизни; в людях мы хотим видеть героизм».

Так музыка Бетховена поражала и волновала людей разных стран и эпох. Послушаем и мы произведения Бетховена, которые особенно любил Владимир Ильич.

«Из фортепьянных произведений, исполняемых мною, Владимир Ильич больше всего любил слушать Патетическую сонату Бетховена (№ 8, ор. 13, так называемая „Малая Аппассионата“)», — вспоминает Л. А. Фотиева.

Патетическую сонату можно назвать драмой, рассказанной звуками *. Перед нами проходят события человеческой жизни с ее волнениями, надеждами, печалью и радостями. Вот пролог к драме — короткое вступление. С первых звуков мы чувствуем, как глубок и возвышен замысел сонаты. Музыка звучит сурово, настороженно. Она движется вверх тяжелыми шагами, словно с трудом преодолевая крутой подъем.

* Патетическая — полная пафоса, страстного чувства, душевного подъема.

Из этой мужественной музыкальной темы рождается главная тема первой части — первого действия драмы. Она тоже устремлена вверх, но тяжелое раздумье сменилось движением. Тревожно, взволнованно музыка рвется вперед. В ее потоке переплетаются и сталкиваются мрачные и светлые, мужественные и нежные мотивы. Страдание, воля к борьбе, страстная борьба за счастье.

После огненно-стремительной первой части начинается вторая. Певучая, проникновенная. Она течет раздумчиво, медленно.

Третья — последняя часть — легка и подвижна, она похожа на светлую песенку. И в самом деле, оказывается Бетховен построил музыку третьей части на подлинной народной песне Эльзаса.

Вот эта песня:

А вот как она выглядит в сонате Бетховена:

Но если внимательно вслушаться, можно почувствовать в жизнерадостной третьей части тот же ритм, ту же устремленность вперед. И не так уж беззаботна музыка финала. Она остается патетической. Заключительная фраза сонаты снова призывает к борьбе!

Надежда Константиновна вспоминает, что Ленин особенно любил Патетическую сонату и просил Инессу Арманд постоянно играть ее. В тех же воспоминаниях Крупская пишет, что уже в советские годы Владимир Ильич ходил слушать, как играл эту сонату один знаменитый пианист на квартире у народного комиссара А. Д. Цюрупы.

О музыкальных вечерах у Цюрупы упоминают и Е. Д. Стасова, и А. В. Луначарский. Эти беглые, но драго-

ценные строки заставили советского искусствоведа С. Дрейдена заняться поисками. И он узнал, что в 1919—1920 годах на квартире А. Д. Цюрупы в Кремле собирались партийные и советские работники, чтобы послушать музыку. Играл всегда один и тот же музыкант, замечательный пианист Г. И. Романовский. Это он придумал устраивать музыкальные вечера и сам выбирал для них программу. А дети Цюрупы на узеньких бумажках писали программу и украшали ее рисунками.

Ильича много раз приглашали на эти вечера, но он отвечал, что очень занят. Однажды даже признался, что музыку ему порой трудно слушать, так как она его слишком волнует, расстраивает. И это было, вероятно, потому, что слушал музыку Ленин всем своим существом, отдавая ей много душевных сил.

Поздней осенью 1919 года Владимир Ильич появился в кабинете А. Д. Цюрупы. В этот вечер, как всегда, исполнялась двухчасовая с небольшим перерывом программа. Романовский играл Баха, любимого Лениным «Лесного царя» Шуберта—Листа и многое другое. Но вот прозвучали первые могучие аккорды вступления Патетической. Дочь А. Д. Цюрупы не могла оторвать глаз от лица Ленина. Казалось, на нем отражалось все, о чем могла сказать музыка.

Много раз в жизни слушал Ильич любимую сонату. И она не становилась привычной, обыденной, а всегда неизменно приводила его в волнение. Старая коммунистка Е. М. Ямпольская летом 1921 года отдыхала в санатории в Горках — недалеко от дома, где жил Ленин. Однажды в санаторий пришли Владимир Ильич с Марией Ильиничной. Ленин прошел через гостиную на балкон, где состязались шахматисты, окруженные болельщиками. Ильича сразу же усадили за шахматную доску. Волнение болельщиков усилилось: появился сильный игрок. Мария Ильинична осталась в гостиной. На рояле она увидела раскрытые ноты Восьмой, Патетической сонаты Бетховена и стала уговаривать Е. М. Ямпольскую сыграть сонату. Та долго отнекивалась, но Мария Ильинична была настойчива: «Ну, пожалуйста, это любимая соната Ильича». Пришлось уступить.

Когда музыка стихла, с балкона послышались громкие голоса: Ильич проиграл партию. Его противник посмеивался, не жалели шуток и болельщики. Владимир Ильич смущенно оправдывался: «Виновата музыка». Патети-

ческая снова овладела им и отвлекла от игры. Владимир Ильич вошел в гостиную и пожал руку виновнице его поражения. «Спасибо, товарищ»,— тихо сказал он.

С жадностью вчитываешься в каждое слово воспоминаний о Ленине, где хотя бы вскользь говорится о его любви к музыке. Хочется найти и собственные суждения Владимира Ильича о музыке, но их почти нет. Даже тогда, когда Романовский так глубоко взволновал Ленина вдохновенным исполнением Патетической,— на вопрос Е. Д. Стасовой, как нравится ему исполнение, Ильич скромно ответил, что его мнение не имеет значения: он всего только любитель, а не знаток музыки.

Но А. М. Горький запомнил одно замечательное высказывание Ленина о музыке. Это было 20 октября 1920 года. В этот день Горький ждал к себе Владимира Ильича. Алексею Максимовичу хотелось сделать приятное дорогому гостю, и он пригласил своего друга, выдающегося пианиста И. А. Добровейна. В тот вечер Добровейн играл очень много: сначала импровизировал на русские народные темы, играл любимого Горьким Грига, симфоническую картину Римского-Корсакова «Сеча при Керженце», прелюдии Шопена и Рахманинова, пьесы Равеля и Моцарта. А потом Владимир Ильич попросил сыграть «Аппассионату» Бетховена. Добровейн исполнил желание Ленина. Смолкла музыка, но все сидели в молчании... Потом Владимир Ильич сказал тихо: «Ничего не знаю лучше „Appassionata“, готов слушать ее каждый день. Изумительная, нечеловеческая музыка. Я всегда с гордостью, может быть наивной, думаю: вот какие чудеса могут делать люди!»

Слова Ленина глубоко поразили всех, кто через несколько лет прочел очерк Горького «Владимир Ленин». М. А. Добровейн (жена пианиста) вспоминает: «Мне запомнилось со слов Исая Александровича, что на него особое впечатление произвела последняя мысль Ленина — о том, как музыка способна размягчать человеческие души и как этому даже надо уметь противостоять в трудную революционную эпоху».

Мужественный гений музыканта был близок великому гению революции. Ленину была нужна музыка Бетховена, она была тоже оружием в революционной борьбе.

В Швейцарии, слушая игру М. С. Кедрова, Ленин просил его еще и еще раз повторить увертюру Бетховена «Эгмонт». Эгмонт — герой драмы Гёте, борец за свободу

Нидерландов против владычества Испании в XVI веке. Коварный герцог Альба бросил его в тюрьму. Эгмонт должен быть казнен. Идя на казнь, он обращается к людям, собравшимся на улицах: «За родину сражайтесь, за вольность, за свободу!» Увертюра Бетховена без слов повествует о борьбе народа с произволом.

В первые советские годы в мерзнувшей, голодной, израненной России постоянно звучала музыка Бетховена, и порою Ленин тихонько, стараясь остаться незамеченным, приходил на встречу с этой волнующей, придающей силу музыкой.

Вот он сидит в нетопленном зале Консерватории, подняв воротник, не снимая шапки, в неудобной из-за раненого плеча позе. Дирижер во фраке, но под фраком толстый свитер, и руки в перчатках.

Таким увидела его 4 октября 1919 года Елизавета Драбкина. Дочь своего соратника и друга С. Гусева Ленин знал с детских лет. Поспев в Большой зал к самому началу концерта, она с матерью спешила пройти на свои места в пятом или шестом ряду. Впереди одно место было свободно, а рядом с пустым креслом сидел человек в шапке-ушанке. Когда он снял шапку и опустил воротник пальто, Драбкина узнала в нем Ленина.

«Мне довелось много раз видеть Владимира Ильича выступающим на трибуне, председательствующим на заседании, у него дома. И всегда он бывал в действии, в движении. Сейчас, впервые я видела его в минуту сосредоточенного раздумья, когда ему казалось, что он был наедине с самим собою,— пишет Е. Драбкина.— Слушая и не слушая увертюру „Кориолан“, я неприметно боковым зрением наблюдала за Владимиром Ильичом. Он сидел, не шелохнувшись, поглощенный музыкой. Оркестр постепенно освобождался от оцепенения, но все еще звучал приглушенно, и только замерзший ударник, когда ему приходило время вступать, с непомерной силой колотил по своему инструменту.

...Взрыв рукоплесканий прервал мои думы. Теперь Владимир Ильич переменял позу и сидел так, что мне видна была правая половина его лица. Выражение его было сосредоточенным и даже грустным. И чувство огромной любви к нему охватило мою душу».

А вот концерт в Большом театре. В программе — также Бетховен. Ленина никто не видит, но он здесь, укрылся в аванложе и слушает музыку.

Осенью 1922 года в Россию приехал немецкий дирижер Оскар Фрид, первый иностранный дирижер, посетивший страну революции. Прорыву «музыкальной блокады» немало способствовал нарком иностранных дел Г. В. Чичерин.

Ленин тепло принял Фрида, беседовал с ним. Когда дирижер сказал, что намерен исполнить произведения Бетховена и Чайковского, Владимир Ильич был очень обрадован.

Фрид рассказывал: «Мне казалось, что я назвал ему самые любимые, самые дорогие имена, какие только существовали для него во всей мировой музыкальной литературе».

Писательница Галина Серебрякова оказалась рядом с Лениным на утреннем симфоническом концерте в Большом театре в 1921 году. Все места в ложе были заняты, когда перед самым началом неожиданно вошли Ленин и Крупская. Сидевшие в ложе встали, чтобы уступить им места, но Владимир Ильич решительным жестом отказался и долго стоял, пока не внесли еще стулья. Дирижер поднял руку. Исполнялась Девятая симфония Бетховена. В финале этой симфонии, как известно, к оркестру присоединяются хор и солисты, и могучая «Ода к радости» призывает людей к братству и дружбе.

«Обнимитесь, миллионы!» — прозвучало в зале. «Ильич облокотился на барьер ложи, и я увидела его бледное, вдохновенное, сосредоточенное лицо,— пишет Г. Серебрякова.— Он был весь во власти торжествующей, победной симфонии, заполнившей огромный театр, рвущейся прочь сквозь камни, к небу. Ликующие, жизнеутверждающие аккорды завершили финал, и музыка оборвалась. Не сразу, однако, рассеялось могучее очарование гениального творения Бетховена. Ленин как бы очнулся, встал, приветливо поклонился всем и, пропустив вперед Надежду Константиновну, вышел».

Музыка Бетховена прошла через всю жизнь Ленина. Она помогала мечтать, видеть сквозь черные тучи солнце грядущей победы. С ней ярче ощущались и самая радость и гордость победы революции над реакцией, добра над злом, света над тьмой. И для нас музыка Бетховена стала неразрывна с образом великого Ленина. Пусть же она войдет в каждое сердце, в каждый дом.

ЭТИ ПЕСНИ ПЕЛ В. И. ЛЕНИН

Любимым отдыхом Владимира Ильича были прогулки в горы. Он купался в горных речках, легко ходил, поднимался на большую высоту, увлекал за собою смелых и тренировал их в горном спорте. Летом 1914 года Ленин жил в польской деревне Поронин у Карпатских гор. Как-то в воскресный день он с друзьями затеял трудный поход в горы. Целые сутки они бродили по горам и оказались на самой вершине. Вокруг было пусто и тихо. Ильич, смеясь, сказал: «Уж здесь нас не достанут ни жандармы, ни полицейские, ни цари — давайте-ка петь полным голосом наши революционные песни!» И он начал первым:

Замучен тяжелой неволей,
Ты славною смертью почил...

К нему присоединились спутники. Пели негромко, печально — кто сидя, кто привстав на колени. За первой песней последовали другие. Владимир Ильич дирижировал стоя, и все незаметно для себя встали на ноги, выпрямись, голоса зазвучали твердо, торжественно и мощно, как того требовали песни «Варшавянка», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу», «Марсельеза».

Может быть, в те минуты Ильичу припомнились дни, когда он впервые услышал эти песни... Еще делая первые шаги в революционной деятельности, он узнал революционные песни. Тогда он понял, что и песня — участник борьбы. Ее преследовали, запрещали, конфисковали, сжигали... За пение революционных песен сажали в тюрьмы, избивали нагайками.

Ту, траурную, что здесь в горах он запел первой, очень любил брат Саша. Давно, еще в России, Ленину стало известно, что песня эта была написана в память студента-революционера П. Ф. Чернышева, погибшего в царской

тюрьме. А сам Саша всего за несколько дней до рокового 1 марта 1887 года, когда он готовился с бомбой в руках выйти навстречу царю, вдруг запел эту песню в шумной студенческой компании. Веселье остановилось. «Ведь это похоронная», — удивленно сказал кто-то. «Да, похоронная», — твердо ответил Саша. Сестра Анна тоже была здесь. Она взглянула на брата, и сердце ее замерло — такую муку прочла она в его глазах.

В 1897 году по пути в ссылку Ленину пришлось около двух месяцев пробыть в Красноярске. Здесь он сошелся с местными политическими ссыльными. Долгие вечера проводили они вместе. Горячие речи чередовались с песнями. «Красноярцы — народ певучий, и из молодежи составлялся неплохой хор. Владимир Ильич очень часто просил нас петь, и его особенно волновала фраза известной песни, которую он тихонько подпевал: „Ты голову честно сложил...“ *.

Рокотание басов на последнем слоге слова „сложил“ он сопровождал мерным покачиванием головы в такт песне, а глаза у него при этом были такие, словно он смотрел куда-то вдаль...»

«Красное знамя» Владимир Ильич перенял от польского ссыльного Проминского, с которым встретился в Шушенском. Он и знал ее тогда только на польском языке и считал польской песней. Теперь стало известно, что эта песня французского происхождения.

Вернувшись из ссылки, Ленин с увлечением рассказывал домашним о польских революционных песнях, которым выучился в Сибири и, расхаживая по комнате, пел:

А колер штандарта червоны,
Бо на ним работникув крив **.

И сестра на фортепиано подбирала музыку к этим новым песням.

«Варшавянку» Ленину спел сам ее автор, друг Ильича Кржижановский. Глеб Максимилианович Кржижановский ***, тот самый, что впоследствии участвовал в разработке великого плана электрификации России, в те

* Речь идет о песне «Замучен тяжелой неволей».

** Цвет знамени красный, так как на нем кровь работников (в русском переводе: «То наша кровь горит огнем, то кровь работников на нем»).

*** Г. М. Кржижановский (1872—1959) — один из старейших деятелей КПСС, друг и соратник В. И. Ленина, академик, Герой Социалистического Труда.

времена был молодым революционером. Он любил песни, писал стихи. В одну ночь с Лениным Кржижановский был арестован по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса».

В 1897 году в Москве, в Бутырской тюрьме, ждали отправки в сибирскую ссылку соратники Ленина Ванеев, Кржижановский, Лепешинский, Старков. Вместе с ними в камере, известной под названием «Часовая башня», оказались польские революционеры, схваченные царскими ищейками. Не все русские понимали польскую речь, не все поляки говорили по-русски. Но это не помешало им подружиться: всех их связывало общее дело — дело освобождения народа от гнета царя, помещиков и капиталистов.

То в одном, то в другом углу «Часовой башни» потихоньку заводили песни. Чаще всего поляки запевали свою старую боевую «Варшавянку»*. Один из обитателей камеры, Г. М. Кржижановский, особенно чутко прислушивался к прекрасной польской песне. Волновал ее грозный, мужественный напев.

Именно такие песни были нужны новой боевой партии рабочего класса, которую создавал Ленин. И Кржижановский написал свои слова. Стихи, созданные им, были современнее, ближе по духу пролетарской революции. Новые слова повлияли и на музыку. Петь стали иначе, тверже зазвучали призывные, героические обороты.

Вот какой была польская «Варшавянка»:

Такой она стала в новом, русском варианте:

* «Варшавянка» была создана в 1883 году польским поэтом-революционером В. Свенцицким. Поэт положил свои стихи на мелодию старого марша.

Вся камера с восторгом разучивала «Варшавянку», и сами поляки запели старую песню по-новому. В «Часовой башне» был и собственный дирижер — В. В. Старков. Его товарищ по тюрьме и ссылке П. Н. Лепешинский писал о музыкальных способностях Старкова: «Он был до некоторой степени знатоком песни и являлся у нас в Бутырской и Красноярской тюрьмах бесспорным обладателем дирижерской палочки. Под его компетентным руководством, следуя за его маленьким, но приятным баритоном, мы разучивали на многоголосный лад революционные мотивы».

Так в тюремной камере, под носом у стражей и начальства, неутомимый Василий Васильевич готовил торжественную премьеру новой песни.

Прошел слух, что на завтра назначена отправка в Сибирь. Ранним утром послышались голоса тюремной стражи. В замке камеры со скрипом повернулся ключ. Надзиратель толкнул дверь, но она не открылась. Толкнул сильнее — не поддается! Среди польских рабочих оказался человек богатырского сложения. Его могучие плечи надежно подпирали железную дверь. Все остальные заключенные стали в круг и по знаку дирижера запели:

Вихри враждебные веют над нами,
Темные силы нас злобно гнетут.
В бой роковой мы вступили с врагами,
Нас еще судьбы безвестные ждут.
Но мы поднимем гордо и смело
Знамя борьбы за рабочее дело...

Из камеры на всю тюрьму разнеслась «Варшавянка». Ни крики, ни угрозы, ни бешеный стук в дверь не могли заглушить ее. Только закончив «концерт», узники открыли камеру. В нее ворвались разъяренные жандармы.

Отличное это было начало! Песню услышали во всех казематах «Бутырки», ее понесли дальше по тюрьмам и заснеженным селам Сибири. Везде, где появлялась «Варшавянка», друзья встречали ее с радостью и гордостью, враги — с яростью и проклятиями. Песню преследовали: сжигали листки, где пламенели слова «Варшавянки», избивали и сажали в тюрьмы поющих. Но песня вместе с революционерами шла «на бой кровавый, святой и правый».

В 1904 году рабочие одного из русских городов отмечали день 1 Мая. Они шли по улицам тесными рядами.

Колыхались красные знамена. Дружно звучала «Варшавянка». Но вот послышался цокот копыт. В ряды демонстрантов врезались полиция и солдаты. Засвистели нагайки, раздались угрожающие окрики. Песня не умолкала. Солдаты отрезали часть колонны, большую группу окружили и повели в тюрьму. Песня не сдавалась! А идти нужно было далеко — через весь город. Тогда начальство распорядилось: вызвать сто барабанщиков, пусть заглушат песню. Раздался барабанный гром. Но барабанщики невольно подчинились властному ритму песни. И какой славный получился аккомпанемент! Огромный хор арестованных демонстрантов четко печатал шаг по дороге в тюрьму. За занавесками окон шевелились люди. В толпу демонстрантов летели цветы. Здесь и там звонкие голоса подхватывали «Варшавянку». Захлопнулись ворота тюрьмы. Но песня уже облетела весь город и осталась в памяти навсегда.

«Варшавянка» была неразлучна с ленинской партией и в тюрьме, и в ссылке, и в далекой эмиграции, и в глубоком подполье, и в открытой схватке — в дни забастовок, в огне баррикад.

В апреле 1917 года, после долгих лет отсутствия, Владимир Ильич был снова в Петрограде, где он в 1890-е годы закладывал основы марксистской партии. Вот и долгожданная первая встреча с партийными единомышленниками. Ильич предлагает вместе спеть «Варшавянку». И дорогая всем песня звучит непреклонной решимостью.

В наши дни поют «Варшавянку» редко. Она исполняется в связи со знаменательными датами, в лекциях и радиопередачах по истории партии, истории революционных песен. Но ее ритм, строгий облик наложили отпечаток на многие героические советские песни. Непреклонный дух «Варшавянки» чувствуется в настойчивой поступи «Гимна демократической молодежи» и в гневном мужестве «Священной войны»...

Когда композитор Д. Шостакович задумал написать симфонию, посвященную революции 1905 года, он обратился к песням революционного подполья. Слушая Одиннадцатую симфонию композитора, мы отчетливо различаем в ней властные звуки «Варшавянки».

Да, в наше время «Варшавянку» не услышишь на праздничной демонстрации, как в первые годы советской власти. Она перестала быть массовой песней — «новые

песни придумала жизнь». Но бессмертная песня живет в глубине сердца каждого советского человека.

Кржижановский перевел на русский язык еще одну замечательную революционную песню — «Беснуйтесь, тираны». Она была особенно популярна там, где начала свою жизнь — на Украине. В 1889 г. во Львове полиция жестоко подавляла всякие проявления свободолюбия. Особенно трудно приходилось учащейся молодежи. Во Львове жил тогда выдающийся украинский писатель-революционер Иван Франко. Группа студентов пришла к любимому писателю, чтобы рассказать ему о событиях в университете, посоветоваться как действовать, как бороться с произволом. Слушая взволнованный рассказ молодежи, Иван Яковлевич с возмущением воскликнул: «Шалійте, шалійте, скажені кати!» (Беснуйтесь, беснуйтесь, безумные палачи).

Студент Александр Колесса * подхватил эту фразу и начал с нее свое стихотворение. Стихи его в тот же день стали песней, а на завтра новая песня гремела на студенческой сходке.

Удивительно чутко студенты выбрали музыку к стихам Колессы. Трудно поверить, что она рождена не вместе с ними (это мелодия львовского композитора Вахнянина). Когда слышишь суровые, неумолимые, как приговор, возгласы: «Позор! позор! И смерть вам, тираны!» — кажется, что другие слова никогда и не могли петься на эту мелодию. Песню «Беснуйтесь, тираны» в переводе Кржижановского с ее гневным припевом очень любил и часто пел Ленин. Песня «Смело, товарищи, в ногу» — тоже дитя неволи. Она родилась в глухой «одиночке» Таганской тюрьмы.

Заключенный в одиночной камере Таганской тюрьмы Леонид Петрович Радин — талантливый химик. «Оставайтесь в университете! Вы обязаны служить русской науке», — уговаривали Радина. Служить науке! Прежде всего нужно служить революции, она принесет народу и науку. И Леонид Петрович без колебания променял профессорскую кафедру на трудную долю народного учителя. Он написал популярную книгу о химии в виде беседы учителя с крестьянами и назвал ее «Простое слово о мудреной науке». В этой книге он сумел рассказать не только о химии, но и о несправедливом строе. Строгий цензор,

* А. Колесса впоследствии стал видным литературоведом.

просматривая книгу, удивлялся: «Вот странная химия. Первый раз такую читаю».

Вскоре Радин целиком отдался делу революции. Он поселился в тихом московском переулке. На окна повесил непроницаемые занавески. В комнате была большая русская печь. Радин с товарищами вынул из нее кирпичи. Получилось просторное помещение. Наружные изразцы положили на прежнее место, и печка приняла обычный вид. А внутри была оборудована тайная типография. По ночам в ней печатались революционные листовки. Но за целую ночь работы получалось всего несколько десятков малоразборчивых листков. Прошел слух, что на Кузнецком мосту американцы открыли новый магазин и там есть замечательный печатный аппарат — мимеограф, изобретенный Эдисоном.

Покупать его опасно: за каждым покупателем следит полиция. Радин стал ежедневно прогуливаться по Кузнецкому мосту. Вместе с зеваками он подолгу стоял у окна магазина, внимательно изучал внешний вид мимеографа, прочел о нем рекламу. В один прекрасный день в магазин вошли пятеро элегантно одетых людей — дядюшка и четыре племянника. Им потребовалось сразу пять дорогих велосипедов. Хозяин был рад щедрым покупателям. А они долго выбирали, весело переговаривались. Потом стали рассматривать новинки. Постучали по пишущей машинке новой системы, остановились перед мимеографом. Это что за штука? Детская игрушка? Хозяин с гордостью стал показывать аппарат и, раззадорившись, вызвал инженера и продемонстрировал его в действии. Десятки тысяч листков за короткое время! Покупатели ахали, восхищались. «Дядюшка» (это был Радин) напряженно запоминал размеры и пропорции, а «племянники», столпившись вокруг аппарата, сумели незаметно отковырнуть кусочек краски, оторвать уголок бумаги. Впрочем, любезный хозяин преподнес им на память свежеотпечатанные листки. Парафиновая бумага! Да ведь в России ее не достать. Но оказалось, что ее применяют врачи-хирурги. Началась «осада» знакомых врачей, и многих удалось уговорить выписать из-за границы бумагу якобы в лечебных целях.

И вот в печке работает мимеограф, сконструированный Радиным. Еще два аппарата были сделаны для Саратова и Петербурга, где его с нетерпением ждал Ленин.

В Москве на вокзал пришла хлопотливая старушка. Носильщики ташили за ней тяжелый ящик. «Осторожно!

Не уроните! — то и дело вскрикивала старушка. — Здесь посуда. В Питер дочке на свадьбу посылаю», — и заставила приклеить на ящик надпись: «Осторожно — посуда!» Старушка совсем домашнего вида выполняла важное поручение. Мимеограф благополучно доставили по назначению. Схему мимеографа вскоре получили революционные кружки многих городов.

А в радинской печке продолжала действовать тайная типография. Сотни пламенных листовок выносили оттуда каждую ночь. Жандармы долго охотились за неуловимым подпольщиком. Предатель, прикинувшийся другом, помог выследить Радина. Но хотя Леонид Петрович был схвачен жандармами, типографию так и не удалось обнаружить.

Почти два года провел Радин в сыром каменном мешке «одиночки». Тюрьма сломила его здоровье, но несгибаемыми остались воля, вера в правое дело революции. В нем жил не только ученый, стойкий борец, но и талантливый поэт:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Радин сам сложил и напев своей песни. Он напоминал некоторые песни, любимые революционерами. Это был мужественный марш. Такой вышла из тюремной камеры новая песня.

В 1897 году Радина должны были отправить в ссылку. Место было выбрано с обдуманной жестокостью: городок Яранск Вятской губернии славился ужасным климатом. Он погубил уже многих людей с больными легкими. Но Леонида Петровича это не тревожило. Он радовался предстоящей жизни среди людей. Ведь почти два года он не слышал человеческого голоса!

Сперва Радина перевели в пересыльную камеру Бутырской тюрьмы в Москве. Знаменитая «Часовая башня». Оживленный, с горящими черными глазами, Леонид Петрович стал душой камеры. Ему очень хотелось показать новым товарищам свою песню. Он спел ее потихоньку, и все повторяли вслед за ним. Новая, бодрящая сердце песня революции вступала в строй.

Подошел срок отправки в ссылку. Заключенных выгнали во двор, построили, заковали в кандалы по четыре человека. По бокам встал вооруженный конвой. Открылись ворота тюрьмы. Начальник конвоя зычно скомандовал:

«Шагом марш!» Арестанты шагнули, звеня кандалами, и с первым шагом дружно запели:

Смело, товарищи, в ногу,
Духом окрепнем в борьбе.

«Замолчать! Отставить!» — неистово орало растерянное начальство. Поднялась паника. Испуганные конвоиры выхватили оружие. Ворота тюрьмы захлопнулись. Но песня звучала, ликуя. И хотя пели беспомощные люди, законные в цепи, — грозное, победное звучание рабочего марша вызвало страх и ярость врагов.

Радин увидел, как действует песня на друзей и на врагов. Он снова убедился, что революции нужны именно такие, сильные и мужественные песни. Он высказал эти мысли в новом стихотворении, сочиненном во время долгого пути в ссылку. Должно быть, раздумывая о песнях, Леонид Петрович припомнил старую, безрадостную крестьянскую песню «Лучина-лучинушка». А может, и услышал ее где-нибудь в дороге. Вот начальные строфы его стихотворения:

Снова я слышу родную «Лучину» —
Сколько в ней горя, страданий и слез!
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.

Сидя за прялкой в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.

Полно! Довольно про горе ты пела...
Прочь этот грустный, унылый напев.
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев!..

В Яранске новоприбывших радушно встретили ссыльные, давно отбывавшие там свой срок. Радина сразу заметили. Его пылающие глаза, шапка черных волос обращали на себя внимание. Он казался вконец измученным, больным. Вокруг шумели товарищи, обрадованные встречей и тем, что кончился наконец изнурительный путь. А Леонид Петрович лежал на постели, молчаливый и, казалось, безучастный ко всему.

Семья революционеров всегда дружна с песней. Не обошлось без пения и здесь, в день первой встречи. Пели старые, всем знакомые революционные песни. Радин вдруг

вскочил с постели. Глаза его вспыхнули еще ярче, болезнь и усталость как рукой сняло. Голосом, полным силы и огня, он запел «Смело, товарищи, в ногу». Незнакомая песня звучала как клич к борьбе. Все собравшиеся подхватили этот могучий песенный призыв... Скромный Радин не признался, что он автор песни. Об этом в Яранске узнали не скоро.

Два года провел Леонид Петрович в ссылке. Он продолжал научные изыскания, иногда читал свои работы товарищам, и люди, причастные к науке, дивились его открытиям. Здоровье Радина становилось все хуже. Это беспокоило товарищей. Наконец, им удалось добиться перевода Леонида Петровича в Крым. Надеялись на чудодейственный крымский климат. Но разрешение пришло слишком поздно. Всего несколько дней дышал Радин южным морским воздухом. В 1900 году, прожив всего 40 лет, он скончался в Ялте. Там после его смерти бесследно исчезли и рукописи его научных трудов.

Оборвалась короткая жизнь замечательного человека, но не прекратилась жизнь его песни. Из стен Бутырской тюрьмы ссыльные разнесли ее по разным маршрутам. Полетела она и в Сибирь, в село Шушенское, где отбывал ссылку Владимир Ильич Ленин.

В ссылке товарищи организовали хор. Ленин охотно пел в этом хоре. Однако его очень огорчало то, что здесь часто заводят унылые, тоскливые песни. Но вот в ссылку прибыл Ф. В. Ленгник и привез замечательную новинку — «Смело, товарищи, в ногу». Ее пламенные слова и мужественный напев звали всех идти по верному пути. Старый коммунист Пантелеймон Николаевич Лепешинский вспоминает, что Ильич любил петь такие песни как «Смело, товарищи, в ногу» или «Вихри враждебные»: «При этом он сам — основной элемент хора и очень темпераментный дирижер. Его баритон с хриловатыми нотками покрывает все остальные голоса, а руки, энергично сжатые в кулаки, размашистыми движениями во все стороны играют роль дирижерской палочки. И сколько огня, сколько революционного огня он вкладывал каждый раз все в те же незатейливые слова:

И водрузим над землею
Братское знамя труда».

Слова песни Радина были напечатаны в 1900 году в зарубежном издании. В 1902 году издательство газеты

«Искра» выпустило нотный сборник «Песни революции», где поместило «Смело, товарищи, в ногу». Так песня дошла до разбросанных по России и зарубежным странам кружков и групп русских социал-демократов.

В дни первой русской революции 1905 года восставшие рабочие запели ее во всеуслышание. Но тогда царю удалось разгромить революцию. Партия ушла в подполье. Не звенели уже на уличных баррикадах боевые песни. Казалось, они были подавлены вместе с восстанием, и звуки их потонули в потоках крови.

Однако это было не так. Не были забыты песни великой борьбы. Вот что рассказал однажды пионерам старый коммунист Емельян Михайлович Ярославский. В черные дни 1906 года, когда самодержавие торжествовало победу над революцией, он пробирался по замершей улочке рабочей окраины. Вдруг до него донесся детский голос. В тишине улицы звонко раздавалось: «Сбросим могучей рукою гнет роковой навсегда...» От этого голоса потеплело на сердце подпольщика. Он подумал с гордостью: «Партия, которая так проникла в массы, что даже дети поют ее песни, — непобедима».

С победой Октября радинская песня вырвалась на волю. Ее пели на улицах красноармейцы, колонны рабочих демонстрантов. Она звучала на митингах, где выступал Ленин. Но одна встреча с ней особенно взволновала Ильича. В день революционного праздника Ленин вместе с Я. М. Свердловым выходили из ворот Кремля. Праздничные улицы гремели песнями. Вдруг слышалось «Смело, товарищи, в ногу». Песня звучала в тонких, еще не окрепших детских голосах колонны школьников. Может быть, поэтому ей не хватало силы и суровости, но задору было хоть отбавляй. Наблюдавший эту сцену комендант Кремля А. Мальков заметил, как обрадовались Ильич и Свердлов, как расцвели их лица.

Еще в юные годы Владимир Ильич поверил в силу песни и никогда не забывал об этом славном боевом оружии. Агитаторы приносили в рабочие кружки новые песни. И сам Владимир Ильич во время занятий в партийной школе под Парижем в Лонжюмо обучал ее учащихся революционным песням. Они печатались на страницах большевистских газет и отдельными сборниками. Партийные листовки призывали рабочих: «Выходите на улицу! Берите красные знамена! Пойте громче ваши боевые песни!»

Хозяева фабрик и заводов трепетали от страха, заслышав в толпе рабочих боевую песню. Демьян Бедный сочинил по этому поводу сатирическую басню-быль «Поют». Ее напечатали в большевистской газете «Правда». Капиталист жалуется жене:

...ты слышала — рабочие поют!
Поют с недавних пор, идя домой с работы.
Ох, эти песни мне покою не дают!
Попробовал певцов приструнить я построже,
Так нет, спокойны все: ни криков, ни угроз.
Но стоит им запеть, как весь я настороже!
И слов не разберешь, а жутко... И по коже,
Поверишь ли, дерет мороз!

Боялись влияния революционных песен и царские слуги-жандармы. Тем же летом, когда Ленин на вершине гор запевал песни революции, его младшая сестра отбывала ссылку в Вологде. Полиция провела, что по почте ей приходят какие-то книги. Ночью полицейские ворвались в квартиру и перевернули все вверх дном. Нашли сочинения Маркса и Энгельса и самого Ленина, перелистывали их, тупо разглядывали, ничего не понимая, и вдруг в груди книг заметили маленький сборник «Наши песни». Эта книжечка очень встревожила царских слуг. Они даже привели в своем донесении одну из песен как доказательство преступного поведения М. Ульяновой:

Товарищи-братья, насильем гонимые,
Не падайте духом: по вашим стопам
Несем мы заветы, народом хранимые,
Идем мы навстречу народным мечтам.
К вам мы придем и отворим темницы,
Выведем вас из них навсегда.
Ждите: уж вспыхнули счастья зарницы.
Мощь наша — сталь, наша сила тверда.
Радостно встретят вас дети народа,
Меч подадут вам и знамя труда;
Равенство, братство, святая свобода
Нас не покинут уж никогда.

Не слишком складны были эти стихи, но жандармы поняли все. И Мария Ильинична была арестована.

Во всех странах народ ненавидел угнетателей, везде рождались песни протеста, песни борьбы. Где бы ни был Ленин, он радостно встречал их. И французская «Марсельеза», и польская «Варшавянка» были родными сестрами русских революционных песен.

Во многих речах и статьях Ленина огнем горят слова революционных песен. В 1905 году, описывая революционные события в Москве, Ленин писал: «Толпа поет „Марсельезу“. Устраиваются революционные митинги. Типографии, отказавшиеся бастовать, разгромлены. Народ разбивает булочные и магазины: рабочим нужен хлеб, чтоб жить, и оружие, чтобы бороться за свободу (совсем так, как поется во французской революционной песне)».

В преддверии событий 1905 года в ленинской статье читаем: «Vive le son du canon!» * Это фраза из знаменитой «Карманьолы». Пахнущую порохом, озорную и гневную песню-танец «Карманьолу» распевал восставший народ Парижа перед дворцами королей еще в 1792 году. «Станцуем карманьолу, пусть гремит пушек гром» — такой был припев «Карманьолы».

В Париже Надежде Константиновне помогала по хозяйству соседка француженка. За работой она обычно напевала песенку. Как-то Владимир Ильич прислушался: «Вы взяли наш Эльзас, нашу Лотарингию, вы можете онемечить наши поля, но вы никогда не овладеете нашим сердцем, никогда», — пела женщина.

Эльзас и Лотарингия — французские области. В 1870 году их захватила Германия, но французы не могли примириться с тем, что в их родных местах хозяйничают чужеземцы. Об этом в народе сложили песню.

Владимир Ильич попросил женщину повторить песню. Он слушал с глубоким вниманием: простая песенка говорила о гордом духе народа, который силой сломить невозможно. Слушая песню, Ленин думал и о французском и о своем, русском народе: это было в очень трудные годы — революция 1905 года была разбита, и вокруг немало было слабых, разочарованных людей, готовых похоронить ее навсегда. Ильич запомнил песенку и часто напевал: «Но нашим сердцем вы не овладеете никогда». Пел он задорно, победно, и боевое настроение передавалось товарищам.

Через четыре года, в 1913 году, Ленин написал статью о жестоком режиме немцев в захваченных ими французских провинциях и тут привел слова любимшейся ему французской песни.

С Францией была связана самая дорогая сердцу Ленина песня — «Интернационал». Ее авторы были рабочими:

* Да здравствует гром пушек (фр.).

поэт-шансонье, член Парижской коммуны Эжен Потье и композитор-любитель Пьер Дежейтер. Они никогда не видели друг друга, но мысли и чувства у них были одни и те же. Оба боролись за свободу и счастье народа. Потье написал слова песни в самые страшные дни разгрома Коммуны. Писал он ее в подполье, преследуемый полицейскими ищейками, но полный веры в грядущую победу революции.

Поэт Эжен Потье родился в 1816 году в семье рабочего и с детских лет сам стал рабочим — разрисовщиком тканей. В 1830 году, когда ему было около 14 лет, во Франции произошла революция. Тогда Эжен написал свое первое стихотворение «Да здравствует свобода». Уже первые стихи Потье были так талантливы, что, несмотря на юный возраст поэта, их издали сборником. Стихи эти не сохранились даже у автора. Юный Потье мало заботился о своей славе: «Мои товарищи по игре в шарики и волчки наделали из них петушков», — признавался он потом.

Революция 1830 года закончилась поражением. Опять пришла королевская власть. Но мечты о свободе не покидали Потье. Он стал участником и пламенным поэтом новой революции — революции 1848 года.

Стихи Потье указывали поэту его место в рабочем строю. Песня должна быть там, где народ страдает в нужде, где офицер угнетает солдата, богач — бедняка: «О песни! Спешите в бедный двор», — это строчка из стихов Потье «Пропаганда песен».

Шансонье, народные поэты Франции, сочинявшие и сами распевавшие свои песни, собирались на своеобразные состязания — гогетты — в небольших залах кафе или кабачков. Здесь каждый по очереди получал право спеть одну из своих новых песен и выслушать мнение коллег. Молодой Потье стал посещать эти собрания. На одной из гогетт он прочел свою «Пропаганду песен». Знаменитый французский шансонье Надо был поражен талантом Потье. «Кто это? Как его имя?» — спрашивал Надо. — «Это Потье. Он превзойдет всех нас», — отвечали ему товарищи.

Революция 1848 года тоже была подавлена. Но Эжен Потье остался в рядах борцов.

В 1871 году трудовой народ взял власть в свои руки. Образовалось пролетарское правительство — Парижская коммуна. Потье был избран членом Коммуны. Ему было тогда 55 лет. Вместе с молодыми рабочими он сражался

на баррикадах за свободу народа. В дни Коммуны Потье был занят большой государственной работой. Для стихов не оставалось и минуты. А вокруг звучало множество ликующих песен освобождения.

Всего 72 дня продолжалось ликование рабочих. Коммуна была потоплена в крови. Под дулами пушек, под расстрелом коммунары дерзко пели свои вольные песни.

Среди расстрелянных коммунаров Потье не было. Его считали убитым на баррикадах. Может быть, этот слух помог Потье укрыться от полицейских ищеек. Скрываясь в дни разгрома Коммуны в подполье, он написал свое лучшее стихотворение — «Интернационал». Великая сила правды жила в сердце рабочего-поэта. Он не хоронил побежденную революцию, не оплакивал ее, он воспевал ее в самые черные дни, он ждал и верил в ее возвращение:

Добьемся мы освобожденья
Своею собственной рукой.

9 лет Потье скитался по чужим странам. В Париж он вернулся больным стариком. В кармане — ни гроша. Парализована правая рука. Работать невозможно, а пенсия? Кто же ее даст бывшему коммунару! Но в изможденном старике не погас пламенный дух. Потье продолжал верить в революцию. Об этом он сказал в стихотворении «Не умерла Коммуна»:

Растут опять ряды борцов,
Натянуты все струны —
И скоро вновь раздастся зов:
«Да здравствует Коммуна!».

Стихи Потье не печатались. Его давно забыли.

В 1883 году общество поэтов-песенников проводило конкурс на лучшую песню. Около трехсот шансонье прислали на конкурс свои стихи. Первая премия была присуждена «какому-то неизвестному Потье». И снова раздались вопросы: «Кто это?»

Старый шансонье Надо, тот, что 35 лет назад восхищался талантом молодого Эжена Потье, разыскал его. Члены общества шансонье собрали деньги, чтобы немного поддержать Эжена Потье. Этих средств хватило бы на издание книжки стихов. Но поэт нуждался в хлебе. Ему предложили решить — как использовать деньги. «Пусть опубликуют мои произведения, хотя бы я и умер с голоду!» — воскликнул Потье.

Так через 53 года после юношеского сборника был напечатан второй сборник стихов Эжена Потье. Но издатели составили его «в духе времени». Они постарались изъять наиболее революционные стихи. Это возмутило старых коммунаров. Они решили сами издать стихи Потье. Деньги собрали по крохам — среди парижской бедноты. В 1887 году вышел сборник под названием «Революционные песни». Здесь и был впервые (через 16 лет после его создания) напечатан «Интернационал».

Через несколько месяцев имя Эжена Потье снова вызвало тревогу и волнение французских властей. Старый боец и поэт революции скончался. Тысячи тружеников провожали его. На гробе колыхался красный с золотом шарф члена Парижской коммуны. У открытой могилы встали знаменосцы. Полиция не могла вынести вида развевающихся на ветру красных полотнищ. Полицейские набросились на знаменосцев. Рабочие вступились, стали отбивать знамена. Многие участники траурной процессии были арестованы и посажены в тюрьму. Даже мертвый, Потье оказался в гуще революционной борьбы...

Пьер Дежейтер, сочинивший музыку «Интернационала», был, как и Потье, рабочим. Детство Пьера прошло в городе Лилле на севере Франции. Жизнь рабочего люда в этом городе шахт и заводов была очень тяжелой. Виктор Гюго написал о шахтерских детях Лилля горькие строки:

Там детям не дано уютной колыбели,
И матери, в стенах проламывая щели,
Туда кладут детей.
И видят малыши, вступая в жизнь земную,
Не полог голубой, а крышку гробовую
Над головой своей.
О шахты лильские, смертельны ваши своды...

Пьер был девятым ребенком в семье бедняка рабочего. Родители не могли даже послать его в школу. Пришлось с 7 лет идти работать на фабрику. Пьер Дежейтер сделался резчиком по дереву. Эта профессия ему нравилась, и вскоре он стал мастером своего дела. Рабочий-мебельщик, он обладал фантазией художника. Он придумывал необыкновенно красивые модели мебели. На конкурсах ему постоянно присуждались премии. С наименьшей любовью Дежейтер относился к музыке. Еще в детстве у него был красивый, звонкий голос, и он пел в церковном хоре. Потом он стал складывать песни. Пьер очень рано примкнул к рабочему движению, недаром он появился на свет

в революционном 1848 году. Песни Дежейтера служили делу революции. Рабочие считали его своим шансонье. Во время стачки, когда нужно было собрать средства для бастующих рабочих, Пьер поставил свою старенькую фисгармонию на тележку и, прихватив с собою младшего брата, покатил ее по городским окраинам. Тележку окружали жители пригородов. Когда их собиралось достаточно, Пьер запевал свои призывные песни, а брат со шляпой в руке обходил слушателей. В шляпу летели трудовые деньги для поддержки забастовщиков.

Дежейтер с увлечением занимался музыкой в консерватории города Лилля и участвовал в рабочих хорах. В одном хоровом кружке, который носил название «Лира рабочих», его выбрали дирижером. Как-то на репетиции хора один из певцов показал Дежейтеру небольшую книжечку. «Это стихи недавно умершего Потье,— сказал он.— Посмотри, не найдешь ли там чего-нибудь пригодного дня нас. У нас совсем нет революционных песен». Дирижер положил книжку в карман и вернулся к репетиции. Ни он и никто из хористов не думал, что завтра они будут петь новый великолепный гимн революции.

Придя домой, Дежейтер раскрыл сборник и стал читать первое попавшееся стихотворение. Случайно книжка открылась на «Интернационале». Дежейтер читал и снова перечитывал стихи: в них струилась какая-то непобедимая сила. Они звали, убеждали, их хотелось петь. В голове музыканта стали складываться созвучия оживленного, бодрого марша. По характеру мелодия была близка французским революционным песням.

На следующий день Дежейтер принес песню в «Лиру рабочих». Все участники хора радовались появлению «Интернационала». Зажигательная революционная песня! Им хотелось поскорее открыть ей путь к рабочим.

Прошло несколько дней. 23 июня 1888 года хор под управлением автора выступил на большом празднике газетчиков. Типографские рабочие заранее позаботились о распространении «Интернационала»: отпечатали его слова на листовках и раздали всем присутствовавшим. Несколько тысяч участников праздника познакомились с песней и смогли передать ее своим друзьям. Торжественно прошло боевое крещение «Интернационала». С 1899 года он стал гимном французских пролетариев, а потом и рабочих всего мира. С пением «Интернационала» шли рабочие Парижа к Стене коммунаров, где когда-то были

расстреляны герои Парижской коммуны. «Интернационал» звучал повсюду — на митингах и демонстрациях.

В то время в Париже жило много русских революционеров, вынужденных покинуть Родину. Они с глубоким уважением относились к революционному прошлому Франции. И часто, слушая «Интернационал», сожалели, что не могут петь его на родном языке.

Судьбы забросила в Париж русского революционера Аркадия Яковлевича Коца. Здесь он старался сблизиться с французскими рабочими, часто присоединялся к их демонстрациям, пел вместе с рабочими французские революционные песни. Аркадий Коц был большим любителем пения. «Интернационал» казался ему лучшей из песен революции. Он слышал в этой песне те же боевые призывы, которые находил в ленинской газете «Искра», в статьях Ленина; она будила, звала к борьбе, сплавляла рабочих всего мира, указывала угнетенным верный путь. Ее пели уже на многих языках. Молодой горняк мечтал о том, чтобы революционный народ пронес эту могучую песню по улицам русских городов.

В 1902 году Аркадий Коц принялся переводить «Интернационал» на русский язык. В том же году его перевод напечатал русский журнал «Жизнь», выходивший за рубежом. Теперь во всех кружках, на всех собраниях большевиков-эмигрантов торжественно пели новый гимн. Его часто печатали в газетах и листовках.

Владимир Ильич Ленин неутомимо пропагандировал «Интернационал». Когда появился русский перевод, Ленин сам разучивал с товарищами новый гимн, сам запевал его. Но знал он его уже давно. Брат Ленина Дмитрий Ильич рассказывал, что впервые услышал «Интернационал» из уст Владимира Ильича. До сих пор неизвестно, как попала к нему далекая песня. Тогда Ленину было всего 19 лет, а музыка Дежейтера существовала немногим более года, и в России ее, конечно, не знали.

Было это в 1889 или в 1890 году в деревне Алакаевке, где семья Ульяновых проводила лето. Владимир Ильич, обложившись книгами, работал в саду за столиком. В доме сестра его Ольга упражнялась на рояле. Владимиру Ильичу особенно хорошо работалось, когда звучала музыка. Из комнаты слышались звуки французской революционной песни «Марсельеза». Владимир Ильич внезапно вскочил и вбежал в дом. Все удивленно посмотрели на него. А он подошел к роялю, сказал сестре: «Вот что

надо спеть», — и стал что-то напевать по-французски. Мелодия была незнакомой. Ольга подобрала ее на рояле, и брат с сестрой вполголоса запели вдвоем «Интернационал».

Шли годы. «Интернационал» распространялся по свету. Но мало кто знал об его авторах. Имя Потье не помещали ни в словарях, ни в справочниках. Только рабочие помнили поэта-коммунара. В 1912 году они отмечали 25-летие со дня его смерти. В 1913 году Ленин рассказал людям о поэте и его великой песне. Вот несколько строк из статьи Владимира Ильича «Евгений Потье (к 25-летию его смерти)», напечатанной в большевистской «Правде»:

«...Потье умер в нищете. Но он оставил по себе поистине нерукотворный памятник. Он был одним из самых великих пропагандистов посредством песни. Когда он сочинял свою первую песнь, число социалистов рабочих измерялось, самое большее, десятками. Историческую песнь Евгения Потье знают теперь десятки миллионов пролетариев».

Партийная печать, большевики-подпольщики понесли боевой пролетарский гимн в массы. Горячие призывы «Интернационала» зазвучали в ленинских статьях и выступлениях.

Угнетатели дрожали перед великими песнями революции. Они с ненавистью набрасывались на печатные листки, открытки, листовки и нотные сборники, где были напечатаны бесстрашные песни. В архивах обнаружено даже «Дело о наложении ареста на нотную тетрадь „Интернационала“».

В январе 1913 г. Ленин написал статью «Развитие рабочих хоров в Германии». К тому времени в немецких рабочих хорах было уже сто тысяч певцов. Ленин рассказывал о первых шагах рабочих певческих обществ, об участии в них выдающихся немецких революционеров Бебеля и Лассалья. Он с возмущением писал, как «подлые полицейские препятствия» мешают пропаганде революционной песни. Статья Ленина заканчивается вещными словами: «Но никакие полицейские придирки не могут помешать тому, что во всех больших городах мира, во всех фабричных поселках и все чаще в хижинах батраков раздается дружная пролетарская песня о близком освобождении человечества от наемного рабства».

Пришло время, и революционный народ России не только раскрыл двери тюрем для людей, но освободил и песни.

Широкой волной выплеснулись они на улицы. И Владимир Ильич услышал их из уст тысяч людей, заполнивших площадь у Финляндского вокзала, когда в апреле 1917 года вышел из вагона...

Долго ждал Ленин революции. Она представлялась Ильичу в мечтах много раз. Еще первого мая 1899 года в Шушенском в тесном кружке ссыльных распевались запретные песни, а ночью Владимир Ильич, взволнованный, возбужденный, не мог уснуть, мечтая о мощных рабочих демонстрациях, в которых когда-нибудь примет участие. И когда Ленин дирижировал пением своих единомышленников в Карпатских горах, он чувствовал приближение этих великих событий — до них оставалось каких-нибудь три года...

Известие о февральской революции в России! Волнения, хлопоты, усилия и борьба за возможность попасть на родину. И вот разрешение выдано! Ленин и его соратники уже в вагоне. Теперь уже дни — не годы отделяют его от родины. Владимир Ильич готовится, напряженно работает. Но иногда у дверей его купе раздаются звонкие голоса. Это молодые спутники. Они просто не в силах сдерживать бурный восторг от предстоящей встречи с революционной Россией, и радость выплескивается песней. Гурьбой шли «давать серенаду» Ильичу... Встав у его купе, запевали:

Скажи, о чем задумался,
Скажи нам, атаман...

Если дверь открывалась и «атаман» выходил в коридор, на него обрушивался поток любимых песен и среди них непременно «Свадьба» Даргомыжского. Владимир Ильич не мог устоять перед песней, он слушал и пел со всеми, и молодежь сияла от счастья, а поезд мчался вперед к Петрограду.

В ту первую апрельскую ночь приезда в Питер в бывшем особняке Кшесинской — в нем теперь был Петроградский комитет партии — Ильича окружили руководящие деятели партии, вчерашние подпольщики, с которыми он еще недавно поддерживал тайные связи из-за рубежа. Теперь они глядели друг другу в глаза, могли крепко пожать руки, вместе обсуждать и принимать важные, неотложные решения. И в этот долгожданный, волнуемый, наконец-то сбывшийся час Ленин предложил партийным товарищам спеть «Варшавянку». «На бой кро-

вавый, святой и правый...» — запели все, и знакомые слова звучали как наказ. Предстояла кровавая, тяжелая борьба за социалистическую революцию.

А вскоре после знаменательной ночи, в такой же холодный ноябрьский вечер, моряки, охранявшие Смольный, грелись у костра и тихонько напевали «Вечерний звон». Матрос с минного заградителя «Амур» Э. Я. Ныу гудящим басом старательно выводил: «Бом, бом»... К костру подошел Ленин. Склонив голову, чутко слушал пение. Заметив Ильича, Ныу смутился, — казалось, что поет преплохо, и «бом, бом» у него совсем на колокол не похоже.

Когда кончилась песня, Владимир Ильич спросил: «Что же вы печальные песни поете?» «Мы умеем петь и веселые, товарищ Ленин», — откликнулись матросы. «Вот это уже лучше. Теперь надо петь бодрые песни», — заметил, прощаясь, Владимир Ильич.

Долго еще закаленные в борьбе песни звучали на уличных демонстрациях, на митингах, в цехах заводов, в фойе театров, на фронтах гражданской войны, на субботниках. И голос Ленина вплетался в голоса трудового народа.

Грянул Великий Октябрь 1917 года. Русская социалистическая революция вывела из подполья революционную песню. Новая жизнь началась для старой песни. Она внесла поправку и в стихи Потье. Вместо «Это будет последний и решительный бой» — победивший народ стал петь: «Это есть наш последний и решительный бой».

Часы на Спасской башне Кремля десятки лет играли церковную мелодию. Теперь искусный мастер по просьбе Ленина перестроил механизм, и помолодевшие кремлевские куранты стали радостно и торжественно вызывать мелодию «Интернационала». Гимн был положен на оркестры — симфонический и духовой. Печатали его теперь не в подполье, а в лучших типографиях, на хорошей бумаге, в красочных обложках. А. Я. Коц посвятил истории «Интернационала» новое стихотворение:

Коммуна в Париже тебя родила,
И грозная сила в тебе залегла.
Но долго тебя распознать не могли,
Пока не дошла ты до русской земли.

В одежде из грубых подпольных листков,
Едва уцелевших от пуль и штыков,
Неслась ты по нашим полям, городам,
Неслась, озираясь по всем сторонам.

Но вскоре, вздымая волну за волной,
Твой клич прогремел над великой страной.
И ныне, с Кремля прорываясь в эфир,
Ты гимном победы звучишь на весь мир.

Когда в России произошла Великая Октябрьская социалистическая революция, Пьер Дежейтер жил в предместье Парижа Сен-Дени. Со старостью пришла и бедность. Единственным украшением его маленького домика были изящные модели мебели, стоящие на полках, на столе и даже на подоконниках. Советское правительство разыскало автора «Интернационала» и назначило ему пожизненную пенсию. Теперь он мог уже не делать сам тяжелую домашнюю работу. Теперь он считал себя богачом. В 1920 году во Франции была организована Коммунистическая партия, и старый музыкант стал ее членом.

По-новому шла жизнь в бывшей царской России: молодая республика становилась надеждой и оплотом трудящихся всего мира. «Интернационал» по-прежнему был неразлучен с жизнью и борьбой партии *.

Слова великого гимна вошли в новые песни, в речи ораторов, боевые приказы, в выступления и статьи Ленина. «Товарищи рабочие! Идем в последний, решительный бой!», — обращался Ленин к рабочим в августе 1918 года. Выступая в том же месяце на митинге в Бутырском районе Москвы, Владимир Ильич говорил: «Теперь два фронта: с одной стороны — рабочие и крестьяне, а с другой — капиталисты. Наступает последний и решительный бой».

В Октябрьские дни 1917 года в Петрограде многие видели молодого американца. Он вихрем проносился по коридорам Смольного, появлялся на митингах, останавливался у солдатских костров. Это был не любопытствующий корреспондент иностранной державы. Он смотрел на великие события глазами друга-коммуниста. Американца звали Джон Рид. О событиях Октябрьской революции он рассказал в замечательной книге «Десять дней, которые потрясли мир». Пятая глава книги Джона Рида описывает знаменательное событие 8 ноября 1917 года: Ленин оглашает Декрет о мире. «Неожиданный и стихийный порыв поднял всех нас на ноги, и наше единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании „Интернационала“.

* «Интернационал» был Государственным гимном СССР с 1917 по 1944 год, а с введением нового Государственного гимна стал гимном КПСС.

Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок. Могучий гимн заполнил зал, вырывался сквозь окна и двери и уносился в притихшее небо».

Писателю Д. Фурманову запомнился момент, когда он принес на заседание Иваново-Вознесенского Совета весть о победе Октябрьской революции в Питере: «Чуть помню себя: ворвался в зал, оборвал говоривших — встала мертвая тишина, и, четко скандируя слова, бросил в толпу делегатов: „Товарищи! Временное правительство свергнуто!“ Через мгновение зал стонал. Жали руки, вскакивали на лавки, а иные зачем-то аплодировали, топали ногами, били палками о скамьи и стены, зычно ревели: „Товарищи! Товарищи!..“ Кто-то выкрикнул „Интернационал“! И из хаоса вдруг родились, окрепли и помчались звуки священного гимна...

Мы не только пели — мы видели перед собой наяву, как поднялись, идут, колышутся рабочие рати на этот смертный, последний бой; нам уже слышны грозные, воинственные клики, нам слышится суровая команда — чеканная, короткая, строгая. Мы слышим, как лязгает, звенит оружие. Да, это поднялись рабочие рати... Пришли наши дни — их мы ждали: здравствуй, новая жизнь!»

1 мая 1920 года. Всероссийский субботник. Ленин работал вместе со всеми, был особенно весел и оживлен. В этом субботнике он видел «Великий почин» — начало осуществления мечты о свободном труде. Кругом звенели песни. Перед началом митинга на набережной Москвы-реки собрались рабочие. Сюда пришел Ленин. Рабочие окружили его, а рядом комсомолки-ткачихи завели песню. И неожиданно для всех вождь партии, председатель Совнаркома подхватил старую знакомую песню:

Над миром наше знамя реет...

А когда рабочий Трофимов шутя заметил, что гармони не хватает, Владимир Ильич пообещал: «Вот кончим войну, Тула будет не винтовки, а гармони да самовары выпускать...»

При жизни Ленина советская музыка еще только зарождалась, нащупывала свои пути. А жизнь кипела, бурно развивалось новое, и песни юности Ильича постепенно становились вдохновенными памятниками великой борьбы. Их призывы были выполнены, не было больше царей, угнетателей. Новая жизнь требовала новых песен. Они

появлялись понемногу. По большей части они возникали в народных массах. Одни из них зарождались в армии, другие — на фабрике.

И почти во всех случаях новыми были только слова. В словах говорилось о жизни и делах советских людей, в них славили новых героев. Музыку же подбирали из других, знакомых, давних мелодий, которые должны были не только подходить по характеру, но быть легкими, удобными для общего пения. Некоторые из этих песен Владимир Ильич слышал. Рано утром по Кремлевскому двору проходили красноармейцы. Владимир Ильич открывал окно и слушал их пение. Летом 1922 года комендант Кремля запретил курсантам петь песни в строю, чтобы не беспокоить тяжело больного Ленина. А Ильич сразу заметил необычную тишину. Ему не хватало этих мужественных песен. Узнав о приказе коменданта, он возмутился и потребовал снять запрещение. И снова под его окном раздавалось:

Смело мы в бой пойдем
За власть Советов
И, как один, умрем
В борьбе за это.

А другой раз в окно влетала песня:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон,
Но от тайги до британских морей
Красная армия всей сильнее!

Надежда Константиновна писала учащимся Грязовецкой школы, что они с Ильичом очень полюбили эту песню. Сочинили ее в 1920 году поэт П. Григорьев и композитор С. Покрасс, но в те времена этого не знали и считали песню «безымянной», народной.

Вспоминают бывшие бойцы Красной Армии, как нравились Ленину их песни. Как-то четверо курсантов из Первой московской кавалерийской школы отдыхали в Тайницком саду Кремля. Издали показались Ленин, Калинин, Фрунзе и Демьян Бедный. Увидав молодых кавалеристов, Владимир Ильич подошел, присел с ними на скамейку, перезнакомился со всеми и вдруг спросил: «Это вы вчера ехали верхом и пели песню?» «Да, мы, товарищ Председатель Совнаркома». Помолчав немного, Ленин сказал: «Хорошую песню пели, чудесная песня...»

А пели на полигоне «Из-за леса». Не случайно пели эту песню именно курсанты кавалерийской школы. «Из-за леса, леса копий и мечей» — это старая казачья песня, удобная для пения верхом на коне, с запевом и лихим общим припевом «Эй, эй, жги, говори». В ней и рассказывалось о том, как из-за леса едут казаки-лихачи, как они собирают силы, чтобы ударить по врагу.

В советское время в песне сохранилась прежняя мелодия, а в словах появился «Буденный удалой», который ведет в дело казаков за собой... Ведь молодым красным бойцам хотелось в песню вложить и свою любовь к родной армии, и готовность отдать жизнь за Родину *. Вероятно, Владимир Ильич уже слышал такой эту песню.

После Великой Октябрьской революции Россия стала родиной коммунистов всего мира. Они съезжались в Москву и Петроград на конгрессы Коммунистического Интернационала. Огромный подъем царил на этих съездах. Вырвавшись из лап полиции капиталистических стран, люди ощущали блаженство свободы. Можно идти по улицам не крадучись, гордо подняв голову, можно прямо высказывать свои мысли и петь — свободно петь о революции.

На Втором конгрессе Коминтерна в 1920 году особенно много пели — и в перерывах, и перед началом, и в конце заседаний. Хотели спеть «Карманьолу», но позабыли слова одного куплета, самого важного. Помог Ленин! Он спел этот куплет: «Что нужно истинному республиканцу? Свинец, железо и хлеб! Свинец — для врагов, железо — для работы, хлеб — чтобы разделить его с братьями...» И «Карманьола» зазвенела не только в Кремлевских палатах, где заседали коммунисты, она понеслась по всей Москве.

Какая радость была петь вместе с Лениным! «Поющая Москва, Поющий Ленин...» — записал в своем блокноте Джон Рид.

В ноябре 1922 года собрался IV конгресс Коммунистического Интернационала. Ленин выступил с речью.

* Один из вариантов песни «Из-за леса» создал учитель П. Н. Бахтуров, комиссар дивизии в Первой конной армии. Он написал ее в 1919 году перед выступлением Первой конной на врангелевский фронт и вскоре погиб в одном из боев. Песня «Из-за леса» («Конница лихая») до наших дней сохранилась в репертуаре Краснознаменного имени А. В. Александрова ансамбля песни и пляски Советской Армии.

При его появлении зал встал. На разных языках делегаты и гости запели «Интернационал».

Владимир Ильич начал свое выступление. «Казалось, он жил всеми человеческими жизнями» — вспоминал потом об этой речи датский писатель Мартин Андерсен-Нексе. А сидящий рядом с ним норвежский рабочий шепнул писателю: «Вот это настоящий человек! И как он похож на любого из нас, только в тысячу раз зорче». На этот раз Ленин уже не мог участвовать в шумных песенных сборах. Он плохо себя чувствовал и не всегда бывал на заседаниях конгресса. Тогда молодые делегаты отправлялись под окна квартиры Ленина и пели там итальянский рабочий гимн «Бандьера Росса» («Красное знамя»). Все любили эту замечательную песню, а красивое пение итальянцев делало ее еще звучнее и ярче. Иногда за окном виднелся силуэт Ильича, и певцы были совершенно счастливы.

Было у Ильича любимое стихотворение — поэта Князева. В нем часто повторялась строчка: «Никогда, никогда коммунары не будут рабами». Эти стихи Надежда Константиновна читала ему даже в последние дни его жизни. А в 1919 году композитор А. С. Митюшин написал на эти стихи песню, которую любили и пели в солдатских теплушках и клубах.

Владимир Ильич горячо интересовался новыми песнями, с радостью встречал их появление.

В 1918 году писатель Демьян Бедный принес Ленину сборник старых солдатских песен. Это были замечательные песни. Их нельзя было даже читать спокойно.

Ленин прочел книгу. Встретившись с Бедным в следующий раз и заговорив о сборнике песен, он отметил, что в них отразилась тяжкая царская солдатчина, когда воевали поневоле, из-под палки, в то время как теперь молодежь идет в родную Красную Армию сознательно, защищать революцию, советскую власть. Ленин говорил о том, что авторы должны научиться создавать такие же простые, понятные каждому песни, как те, народные, но с новым содержанием.

Вскоре после этой беседы с Лениным Демьян Бедный написал «Поэму о Красноармейце», в которой были стихи:

Как родная меня мать
Провожала,
Тут-то вся моя родня
Набежала...

Родные отговаривают молодого крестьянина идти в армию. Лучше остаться дома: жизнь теперь пошла совсем другая, барина прогнали, землю крестьяне получили. Да и зачем воевать — убеждают они парня:

Поневоле ты идешь,
Аль с охоты?
Ваня, Ваня пропадешь
Ни за что ты.
В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся —
Без тебя большевики
Обойдутся!

Поэт вложил в уста новобранца горячую отповедь. Ведь если каждый бросит винтовку, снова все пойдет по-старому:

Сел бы барин на селе
Злым Малютой,
Вы завыли б в кабале
Самой лютой...

Герой песни добавлял насмешливо:

Если б были все, как вы,
Ротозен,
Что б осталось от Москвы,
От Расеи!

Стихи Д. Бедного стали петь на мотив веселой украинской песни. Как непохожа была эта новая песня на прежние рекрутские песни!

Так Демьяну Бедному пошли на пользу советы Ленина. Ему удалось в простой, даже шутильной песенке выразить глубокую мысль, сказать то, что было тогда важнее всего, что волновало всех. И «Проводы» стали одной из любимых песен всего народа на многие годы.

Далеко не каждый как Ленин понимал, какую огромную политическую задачу может выполнить песня. Пришли к нему делегаты Первого съезда комсомола. Долго готовились к беседе, настраивались на мировые проблемы. А Ильич вдруг спросил, есть ли в деревне инструменты для самодеятельных оркестров и еще поинтересовался: «В какие песни влюблена молодежь»?

Это оказалось слишком неожиданно. Не сразу смогли понять комсомольцы значение таких простых вопросов для воспитания молодежи. А ведь вся жизнь Ленина, вся

великая борьба была неразлучна с песней. Замечательная эта революционная традиция партии осталась с нами и сегодня.

Спросите каждого юношу, каждого пионера, знает ли он «Варшавянку», «Красное знамя», «Смело, товарищи, в ногу», и каждый из нас и все вместе, любой класс, любой отряд ответят вам песней. Правда, песни эти поются в наше время чаще всего по торжественным дням, во время революционных празднеств.

Особенно, необычно звучат они в исполнении ветеранов революции, старых большевиков. На сцене выстраивается необыкновенный хор: седые головы, ордена боевой и трудовой славы на груди. По знаку дирижера раздаются первые слова очень знакомой песни — «Смело, товарищи» или «Варшавянка». Постой-ка! Так ли она знакома тебе? Что-то новое слышится в ней сегодня. Правда, молодые голоса спют ее звонче и громче. Но в негромком звучании этого хора слышится непобедимая сила. Исполняя песню, они по-своему открывают ее суровую и мужественную правду. В привычных звуках встают картины давно ушедшего прошлого: строятся баррикады... Идут колонны демонстрантов, звучат горячие призывы ораторов... И предательские залпы слышатся, и захлопываются ворота тюрьмы. В песне сама жизнь, борьба — и поют те, кто сам в ней участвовал. Никто никогда не сумеет так проникнуть в сердце песни.

Ветераны партии, ветераны революции хранят замечательную традицию дружбы с революционной песней. Именно это и привело их в хоровые коллективы, которых теперь немало в нашей стране.

Массовая песня, звучавшая когда-то на улицах, пришла на концертную эстраду. Пусть ее любят, пусть ее знают, она будет волновать сердца и учить отваге.

Эти песни пел Ленин.

«Дорогая Надежда Константиновна! Шлем Вам наш горячий привет и желаем Вам быть здоровой. Мы, учащиеся Грязовецкой школы слепых, очень хотели бы разучить в нашем хоровом кружке и исполнить в день Вашего рождения 26-го февраля те песни, которые Вы любите и которые Вам особенно нравятся. Не откажите нам в нашей просьбе. Будем ждать Вашего ответа. С горячим приветом учащиеся школы Лапина Нюра, Рухлова Дуся, Воробьева Вера, Граня Брыкина, Шура Юшкова, Валя Злобина, Люба Козлова, Маня Епифановская».

Такое письмо пришло к Надежде Константиновне Крупской, в то время уже тяжело больной. Но она все же собралась с силами и 23 февраля 1939 года, за четыре дня до смерти, отправила в Грязовецкую школу коротенький ответ:

«Дорогие мои, вы просите написать вам, какие песни я больше всего люблю, хотите разучить их. Самая моя любимая песня „Интернационал“. Также любила я очень песню „Красная Армия“ („Белая армия, черный барон снова готовят нам царский трон“ и т. д.). Во время гражданской войны ее распевали в Кремле красноармейцы, и мы с Ильичом очень любили ее слушать. Горячий вам привет, дорогие ребята!»

«...Самая моя любимая песня — „Интернационал“»... За что же так любила Надежда Константиновна эту песню?

Приходилось ли тебе присутствовать на большом собрании, когда тысячи людей, притихнув, слушают речь оратора? Вот речь закончена. Поднимается целый лес рук. Принято важное решение. Отныне в жизнь входит что-то новое. В такой момент всегда в зале возникает эта песня. Ее поют стоя, серьезно и строго. Поют торжественно, четко выговаривают слова. Так солдаты произносят слова присяги. И кажется, в песне таится волшебная сила. В незнакомых друг другу людях, что пришли сюда с разных улиц, с разных заводов, она зажгла одни и те же чувства. Как командир — песня построила людей в один несгибаемый строй, сплотила их для единой цели. Эта песня — гимн Коммунистической партии «Интернационал».

Ноябрь 1936 года. Девятнадцатая годовщина Октябрьской революции. В эти дни в Испании шла кровавая борьба республиканцев с фашистами. Дымилась столица Испании — Мадрид. Сквозь баррикады и укрепления то здесь, то там прорывались фашистские захватчики. А по свободным улицам Мадрида носились мальчишки-газетчики и приглашали всех в кино «Монументаль» на необыкновенный, «грандиозный», «изумительный» митинг. Боец Интернациональной бригады, сражавшейся в Испании, советский журналист Михаил Кольцов описывал этот необычайный митинг в осажденном городе: «Председатель собрания объявляет, что оно посвящается девятнадцатой годовщине Великой социалистической революции и обороне Мадрида. Овации, музыка, — ах, как хорошо, что музыка!.. Вот теперь, когда оркестр — есть еще оркестры

в Мадриде! — бросил в воздух величавую, звонкую медь „Интернационала“, грудь радостно, впервые за все это время радостно выдохнула то, что томило, — желание боевой песни... Слезы на глазах, вдохновенные лица рабочих, военных, молодежи, женщин говорят о том, что для них всех огромная поддержка, праздничный подарок — иметь возможность в тяжчайшую минуту их жизни, в катастрофические решающие часы собраться здесь огромным боевым партийным коллективом и петь вместе, стройно, жадно, под музыку грозную песню пролетарской борьбы и победы».

1942 год. Второй год идет Великая Отечественная война советского народа с фашистами.

В кубанской станице Усть-Лабинской, захваченной немцами, всем жителям приказано явиться на площадь. Люди шепотом передавали друг другу: «Доктора Пикензона будут вешать... за то, что раненых красноармейцев лечил, в обиду не давал. Ведут! Смотрите, и сынишка с ним, скрипку свою под мышкой несет. А его за что?..» Доктора с сыном подвели к виселице. Доктор молча выслушал приговор, а пионер обратился к фашисту: «Позвольте мне сыграть в последний раз». В воздух понеслись быстрые пассажи. Из кружева звуков как птица выпорхнула гордая мелодия «Интернационала». Офицер не сразу смог ее узнать. Но станичники, подняв головы, выпрямившись, запели: «Вставай, проклятьем заклейменный!» Фашист взбесился. Он выхватил оружие и убил юного музыканта наповал.

1943 год. С «Интернационалом» на устах идут на смерть герои-краснодонцы.

А в Чехословакии, в тюрьме Панкрац, в камере № 267, Юлиус Фучик пишет на клочках бумаги свой «Репортаж с петлей на шее» — главу «Майское интермеццо 1943 года»: «Девять часов. Сейчас часы на Кремлевской башне бьют десять и на Красной площади начинается парад. Пойдем и мы с ними, папаша! Там сейчас поют „Интернационал“. Он раздается во всем мире, пусть зазвучит он и в нашей камере. Мы поем. Одна революционная песня следует за другой, мы не хотим быть одинокими, да мы и не одиноки, мы вместе с теми, кто сейчас свободно поет на воле, с теми, кто ведет бой, как и мы...»

Невозможно перечитать все книги, все письма, воспоминания. Да разве можно ими ограничить рассказ о «самой любимой» песне. Большая жизнь великой песни продолжается!

ЧАСТЬ ОБЩЕПРОЛЕТАРСКОГО ДЕЛА. МУЗЫКА ДЛЯ ВСЕХ

В одном из залов музея Октябрьской революции в Ленинграде среди реликвий революции стоит под стеклом старенький ротатор Общества изящных искусств. За что удостоен такой чести аппарат для размножения рукописей? И какое отношение имели изящные искусства к революции?

Партия всегда считала искусство великой воспитательной силой. Еще в 1905 году Владимир Ильич писал, что при социализме литература будет «служить не пресыщенной героине, не скучающим и страдающим от ожирения „верхним десяти тысячам“, а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность». Ленин поощрял товарищей, занимавшихся искусством: их силы всегда были нужны народу. «Вам надо учиться», — сказал он, услышав игру юной Л. А. Фотиевой. А она-то, связав свою жизнь с революцией, ушла из консерватории — решила, что негоже настоящей революционерке заниматься музыкой! В России после бурных событий революции 1905 года стали возникать различные общества, которые стремились нести в народ грамотность и культуру. Партийные газеты «Правда», «Звезда» рассказывали о музыкальных вечерах, которые проводились для рабочих. В тех же газетах нередко появлялись сообщения о запрещении таких концертов полицией, об арестах их участников, о тех самых «полицейских придирах», против которых так негодовал Ленин.

Но многие передовые люди — учителя, писатели, артисты, музыканты — упорно продолжали благородное дело просвещения народа. Партия стремилась делать рабочие культурные общества опорой своей работы в массах. Так маленькие ручейки пропаганды музыки стекались в большую реку. Так накапливался партийный опыт музыкаль-

ной работы в массах. Он очень пригодился после победы Октябрьской революции.

В 1913 году и появилось в Петербурге Общество изящных искусств. Создал это общество пианист Н. Е. Буренин.

Общество изящных искусств занималось устройством концертов. Правительство разрешало иногда концерты для рабочих, в надежде, что увлечение музыкой помешает рабочим участвовать в революционном движении.

Однако в руках большевиков музыка отлично служила революции. Ей отдавал свою молодую энергию Николай Евгеньевич Буренин. Он устраивал концерты в рабочих бараках и казармах. Правда, в этих лачугах не было роялей. Но это не останавливало его. Из дому выносили пианино, ставили его на телегу ломового извозчика и везли на рабочую окраину: в Волкову деревню, за Невскую заставу, на остров Голодай. Общество изящных искусств создавало и рабочие хоры, в которых тайно разучивались революционные песни. В том же 1913 году в «Правде» были напечатаны статьи В. И. Ленина «Евгений Потье» и «Развитие рабочих хоров в Германии», и пропагандисты-музыканты еще более уверились, что их работа нужна народу. В концертах Общества для рабочих исполнялись лучшие произведения классической музыки.

Целые программы посвящались народной песне. Лекторы-большевики помогали слушателям овладевать серьезной музыкой, рабочим становилось близко и понятно творчество великих композиторов.

Каждая программа обязательно должна была пройти цензуру. Но в перечне исполняемых произведений стояли имена великих композиторов Чайковского и Глинки, Листа и Шопена, Моцарта и Грига, и полиции не к чему было придираться, она давала разрешение на концерт и ставила свою печать. Но вот после блестящей рапсодии Листа объявлялись романсы Мусоргского, и в зал врывалась горькая жалоба замерзающего ребенка:

Барин мой миленький,
Барин мой добренький!..
С голоду смерть страшна,
С холоду стынет кровь...

«Сиротка» Мусоргского — не просто романс, это сама жизнь... Уличная сцена, знакомая в то время каждому.

Часто исполнялся и другой романс Мусоргского, «Забытый». В нем поется о солдате, павшем на поле боя. Бой окончен. Победители пируют, а над телом солдата уже кружит жадное воронье. В далекой деревне жена солдата баюкает сына: «Агу, агу, вернется тятя». — «А тот, забыт, один лежит».

Музыка тревожила сердца, заставляла задумываться о жизни, звала к действию, к борьбе. Составление программы было делом тонким. На каждом концерте непременно присутствовала полиция. Если что-нибудь казалось ей подозрительным, концерт сразу прекращался, начиналась облава.

На одном концерте Общества изящных искусств полиция заметно нервничала: выступал А. М. Горький. Но все шло спокойно: писатель читал свои рассказы, речей не произносил и только закончив чтение и прощаясь со слушателями воскликнул: «Да здравствует...» Тут жандарм грозно поднялся с места. Алексей Максимович рассмеялся и закончил: «Да здравствует... сами знаете, что...»

Иные деятели с насмешкой относились к буренинским концертам, считали их праздным делом, недостойным внимания настоящего революционера. А Горький горячо поддерживал его «затею». Он считал, что если музыка будет даже по капле просачиваться в рабочую среду, она поможет расти новым силам. «Поможет ли? — писал Горький. — В этом нет сомнения, ибо искусство действует как солнце — оно возбуждает энергию!»

Вместе с Бурениным в концертах выступали многие замечательные артисты. Одни соглашались выступать в неприглядной обстановке рабочей казармы из сочувствия к хорошему делу. Другие и сами были бойцами революции.

В предреволюционные годы большим успехом пользовалось мужское трио со смешным названием «Три КО». Это были известные оперные певцы В. Войтенко, П. Журавленко и солист Капеллы М. Закопайко. Окончание их фамилий и дало имя этому замечательному ансамблю.

Один из трех певцов — Василий Андреевич Войтенко — выдающийся исполнитель партий Германа и Хозе — был подпольщиком, хранил у себя литературу и оружие.

Общество изящных искусств устраивало и большие концерты в концертных и театральных залах. Имена попу-

лярных артистов всегда привлекали публику, а сборы тайно передавались в партийную кассу.

Выступала с Бурениным будущая оперная звезда, молодая певица Липковская. Публика неистовствовала, когда она пела знаменитую арию «с колокольчиками» из оперы «Лакме». Однажды ее «колокольчикам» пришлось звенеть в необычно тревожной атмосфере. Было это в городе Таммерфорсе.

Перед началом концерта Николаю Евгеньевичу шепнули, что в зале скрывается революционер, за которым гонится полиция. Надо немедленно взять у него секретные документы, чтобы они не попали в лапы жандармов. Николай Евгеньевич, распахивая бумаги по карманам своего концертного фрака, лихорадочно соображал, как спасти самого товарища, куда спрятать его? Преследователи были в двух шагах, третий звонок настойчиво извещал, что пора начинать концерт... и вдруг озарила мысль: суфлерская будка! Сегодня ведь не спектакль, а концерт — суфлер не нужен, будка пуста. Авось полиции не придет в голову заглянуть туда. Беглеца быстро провели под сцену. Буренин сел за рояль. Полился очаровательный голос Липковской. Гремели овации. Но что творилось с бедным пианистом! Через десятки лет Николай Евгеньевич вспоминал: «Пол горел под ногами, ноты прыгали в глазах, и что я вытворял вместо аккомпанемента — я ничего тогда не соображал и теперь не помню»... Публика, видимо, не замечала оплошностей пианиста, певицу вызывали без конца. Наконец опустился занавес. Восторженные слушатели хлынули вслед за артисткой, а под шумок вместе с толпой ее почитателей вывели из театра мнимого суфлера и укрыли в надежном месте.

Музыкальные интересы привели студента Буренина в дом Стасовых. Братья Стасовы — известный юрист Дмитрий Васильевич и художественный и музыкальный критик искусствовед Владимир Васильевич — были выдающимися музыкальными деятелями. Молодого музыканта притягивали эти замечательные люди. Но, сам того не зная, Буренин оказался в семье подпольного работника ЦК большевистской партии — Елены Дмитриевны Стасовой *. Вначале она приглядывалась к новому знакомому, изучала его взгляды, характер, а потом рассказала

* Е. Д. Стасова, один из старейших деятелей КПСС, — дочь Д. В. Стасова.

ему о партии, о Ленине, привлекла к революционной работе.

Семья богатейших купцов Бурениных была известна всей столице. Из окон их дома часто доносилась музыка. Дворники судачили, что барчук любит позабавиться музыкой. Но никто не подозревал, что в футлярах музыкантов, выходявших от него после «репетиции», лежат иной раз не скрипка, не виолончель, а номера запрещенных газет, а то и ружейные патроны.

Летом 1905 года Буренин был послан в Женеву к Ленину, а в ноябре, когда Владимир Ильич нелегально приезжал в Россию, Николай Евгеньевич встретил его и укрыл на квартире своей сестры — жены офицера-монархиста. Ни сестра, ни ее муж не подозревали, что за гость появился в их доме.

Однажды Буренин явился к Стасовым заметно располневшим: под его парадным костюмом была спрятана партийная литература, которую он только что привез из-за границы для передачи Е. Д. Стасовой.

Как на грех, в доме оказался музыкальный вечер. Все обрадовались приходу пианиста: не хватало партнера для игры в восемь рук. Гостя сразу подвели к роялю. Невозможно было улучшить момент, проникнуть в комнату Елены Дмитриевны и избавиться от давящего груза. Пришлось подчиниться. С трудом двигая руками, Буренин начал играть. К удивлению всех окружающих, играл он из рук вон плохо, поминутно ошибался и сбивал своих партнеров.

Но вот подали чай. Во время застольной беседы удалось улизнуть и «разгрузиться». Скоро как ни в чем не бывало он вернулся в гостиную и заиграл с обычным блеском.

А что же ротатор, хранимый в музее? Полиция решила Обществу изящных искусств приобрести ротатор для печатания пригласительных билетов и программ. Однако печатались на нем не только программы концертов, но и программы боевых действий — нелегальные листовки.

Работа Буренина в Обществе изящных искусств — лишь один из примеров того, как большевики-музыканты служили великому делу революции: они были ее глашатаями и ее чернорабочими.

И пряча в концертных костюмах, в футлярах инструментов листки с боевыми призывами партии, неся на рабо-

чую окраину сокровища музыки, они мечтали о тех днях, когда сюда проникнет не капля, а целое море музыки — и зазвучит громко, открыто, победно!

*

* *

В фойе наших театров, во Дворцах культуры на мраморе стен выведены золотом слова:

«ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖИТ НАРОДУ»

Ленин

Это строчки из беседы Владимира Ильича с немецкой коммунисткой Кларой Цеткин. Беседа их происходила в Кремлевской квартире Ленина почти полвека назад — в 1920 году. Клара примечала и то, как похудели Ильич и Надежда Константиновна, и как бедно и пусто было на столе этих радушных хозяев. Она приехала в Москву, чтобы своими глазами увидеть страну победившей революции.

Клара знала, что Россия окружена интервентами, идет гражданская война. Выдержит ли народ неравную борьбу? Она увидела голодную и мерзную столицу, людей, которым не хватало хлеба, а кусочек сахара казался роскошью. Но она видела, как вечером те же полуголодные, усталые люди тысячами заполняли театры. Что влекло их в холодные залы, где приходилось сидеть в шубах? И что побуждало партию в такое отчаянно трудное время уделять столько внимания и заботы искусству?

Ленин с большой охотой отзывался на вопросы старой коммунистки. Он рисовал ей замечательные картины будущего расцвета искусства в Советской стране. Эти мысли он лелеял много лет. Когда в Женеве или Праге с маленькой группой товарищей Владимир Ильич слушал оперу, он думал о рабочих, чьими руками построены театры, о тех, кто ткал шелка и бархат для их украшения, но сам не переступал порога театра. Ведь партия вела борьбу и за то, чтобы трудовой народ пришел хозяином в эти прекрасные залы.

И Ленин с жаром говорил Кларе Цеткин, что искусство никогда больше не будет принадлежать богачам. Теперь оно будет глубоко проникать в народные массы, и народ научится его понимать. Из гущи народа будут выходить свои талантливые творцы искусства — страна будет растить и развивать их дарования.

Пораженная, слушала Клара Цеткин Ленина. Придя домой, она записала его слова: каждое врезалось в ее

память. Да, наступала новая жизнь искусства в этой удивительной стране, где музыка могла окрылять людей, поднимать на большие дела. Искусство хлынуло в массы, как поток, прорвавший плотину.

Было чему удивляться старой немецкой коммунистке: в театрах и концертных залах она видела скромно одетых рабочих, девушек в красных платочках, матросов, опоясанных пулеметными лентами. Концертным залом стал даже Зимний дворец, где прежде жили цари. Его тогда называли Дворцом искусств. За один только год советской власти в Петрограде состоялось больше 300 концертов. И каждый из них проходил как праздник. Николай Ильич Подвойский от имени Военно-морского комиссариата просил комиссара просвещения Луначарского уделить внимание музыкальному просвещению солдат и моряков. «Мы можем двинуть огромные силы на это дело», — обещал нарком.

Начались концерты в казармах, театры ставили оперы и балеты для армии, множество групп артистов отправлялось на фронт. Красную армию стали называть Университетом музыкальной культуры. Большую любовь завоевали «Музыкальные понедельники» Балтийского флота. Здесь можно было послушать лучшие симфонические оркестры, хор Капеллы, талантливых солистов. Здесь читались увлекательные лекции о музыке. Но зрители постоянно обязаны были находиться в полной боевой готовности.

Очередной музыкальный понедельник. Зал погружен в музыку. Но ее приходится прервать. Раздается команда: «Подводники — выходи! Курсы командного состава — на переключку!» Белый генерал Юденич приближался к Петрограду. Слушатели концерта были отправлены на боевые участки. К ним добровольно присоединились и некоторые артисты.

А еще через несколько дней и слушатели и музыканты возвратились с фронта. Был объявлен следующий «Музыкальный понедельник». Кто остался живым и здоровым, принял в нем участие.

Торжественное заседание Петроградского совета, посвященное первой годовщине Октябрьской революции, началось необычно: депутаты и гости слушали «Реквием» Моцарта. Его исполнили бывшие придворные музыканты: симфонический оркестр и хор. Дирижировал знаменитый Альберт Коутс. Председатель собрания обратился к залу: «Я счастлив, что благодаря власти пролетариата имею

возможность на 52-м году жизни слушать такую прекрасную музыку, о которой в продолжение всей своей прежней жизни не знал»... Но многим даже искренним друзьям народа не верилось, что полуграмотная рабочая масса способна слушать серьезную музыку.

Писатель А. Серафимович пришел на многолюдный митинг в манеже. На эстраду вышла молодая скрипачка. Писатель с первых звуков узнал Легенду Венявского. Он расстроился: «Напрасно она — Легенду. Надо же считаться с публикой». Опустив голову, он ждал: вот-вот начнется кашель, болтовня. Но внезапно наступила тишина. Весь манеж замер. Будто перестали дышать все восемь тысяч зрителей. Какие-то незримые нити протянулись от скрипачки к аудитории. Музыка захватила сердца. Как же радовался писатель своей ошибке!

Года через три Серафимович был приглашен к Ленину. Владимир Ильич спрашивал, над чем он работает, часто ли встречается с рабочими. Александру Серафимовичу припомнились впечатления от недавней поездки на Лосиный Остров к рабочим крупного арсенала. Рабочие тянулись к культуре, но в поселке не было просторного здания, где можно было бы устроить концерт или спектакль.

Выделялась своими размерами лишь бывшая помещицья конюшня. Ее хозяин был любителем скаковых лошадей и для них построил огромное помещение. Кому-то пришлось в голову переделать его под клуб. Рабочие прорезали в стенах большие окна, настлали полы, сделали сцену, провели электричество — получился красивый и уютный зал. Тогда арсенальцы отправились в Москву за артистами и торжественно открыли свой клуб. Рассказывая об этом Ленину, Серафимович пошутил, что из конюшни получился зал не хуже «Дворянского собрания»*. Владимир Ильич рассмеялся шутке. Он смеялся радостно, от всей души, даже слезы от смеха выступили. Вытирая их, Ленин сказал: «Только рабочий умеет построить из конюшни „Дворянское собрание“, а то ли он еще построит, дайте срок!» И задумчиво добавил: «Страшно дорого заплатили рабочие за свое право быть хозяевами жизни, но в конце концов выиграют они. Это воля истории».

Да, Ленин глубоко верил в рабочий класс. Он с гор-

* До революции в столицах и крупных городах лучшие залы принадлежали организации дворянства, так называемому «Дворянскому собранию».

достью говорил Кларе Цеткин, что рабочие получили право на настоящее, великое искусство. В концертах исполнялись лучшие произведения музыкального искусства. На съездах и конгрессах, на митингах-концертах * выступали выдающиеся русские певцы и музыканты.

Зарубежные исполнители не сразу решились посетить молодую Советскую страну. Слишком много наслышались они выдумок о большевиках — «душителях культуры». Но постепенно революционная Россия стала интересоваться и притягивать передовых зарубежных артистов, они стали появляться в Москве. Первым из дирижеров приехал Оскар Фрид из Германии. Это было большим событием в музыкальной жизни столицы. Фрид был принят Лениным. Во время беседы дирижер задал вопрос, который, оказывается, очень беспокоил его: нужно ли дирижеру появляться перед советской публикой во фраке? Может быть, его примут за буржуа и слушать не захотят? Владимир Ильич улыбнулся наивному вопросу. Он ответил Фриду, что каждый концерт — праздник, и артист, уважающий слушателя, должен выступать в праздничном концертном костюме. А наш слушатель заслуживает особенного уважения потому, что он высоко ценит и любит настоящее искусство.

Фрид успокоился, но только после первого концерта по-настоящему оценил слова Ленина. Его поразили искренний интерес советских людей к музыке. Что-то особенное он уловил даже в их горячих аплодисментах. «Ленин был прав. Я выступал перед избранной публикой», — писал растроганный дирижер **.

В 1921 году А. В. Луначарский получил письмо от знаменитой американской танцовщицы Айседоры Дункан. Она просила разрешения приехать в Советскую страну, чтобы развивать здесь свою школу танцевального искусства. Дункан искала новых путей в хореографии. Танец, считала она, должен передавать большие идеи, заложенные в музыкальном произведении. Артистку не страшили трудные условия жизни в России. Ей казалось, что здесь ее идеи будут поняты и приняты. Ленин поддержал просьбу

* В первые годы революции получили большое распространение массовые собрания трудящихся — митинги по важнейшим политическим вопросам. Митинг обычно заканчивался концертом.

** Оскар Фрид еще несколько раз приезжал в нашу страну, а затем переехал в Москву и принял советское гражданство.

Дункан, и вскоре москвичи познакомились с ее своеобразным, талантливым искусством. Первый концерт Айседоры Дункан состоялся в день четвертой годовщины Октября. Сама его программа была удивительной: Дункан танцевала... Шестую симфонию Чайковского!

Последний номер программы назывался «Интернационал». В сопровождении полутораста детей в развевающихся красных одеждах, Дункан исполняла под музыку пролетарского гимна танец-плакат об освобождении угнетенных, о дружбе народов земли.

Владимир Ильич наклонился над берьером ложи и неотрывно следил за танцем. Лицо его, словно зеркало, отражало каждый жест танцующих. Когда прозвучали последние аккорды и зал восторженно зааплодировал, из ложи раздался возглас: «Браво, браво, мисс Дункан!» И все увидели Ленина. Публика не отпускала артистку, требовала повторения. «Я повторю танец, если мне помогут зрители», — согласилась Айседора. Все встали с мест. Встал и Ленин и запел вместе со всеми великую песнь партии.

А еще раньше — в 1919 году, как раз в дни второй годовщины Октября в Петроград приехал из Англии скрипач с европейской славой — Эдуард Сырмус. Он попал на заседание Петроградского Совета. Ему дали слово. Сырмус вынул скрипку и сказал собравшимся: «Я приветствую вас, товарищи, любимой песней английских рабочих — „Красное знамя“». Сырмус выступил и перед школьниками Петрограда. Он рассказывал им о жизни детей в капиталистических странах и перемежал речь музыкой. Знаменитый музыкант исполнял труднейшие произведения классиков и простые народные песни. Заканчивая концерт, Сырмус «запел» на скрипке «Интернационал». Весь зал, поднявшись с мест, вторил чудесному запевале. А через несколько дней скрипач, одетый в военную шинель, был уже среди защитников Петрограда от белогвардейцев. Винтовкой он владел так же уверенно, как скрипкой. Но и скрипка не отдыхала. Военские газеты тех времен полны сообщений о замечательном скрипаче-коммунисте. С нашей армией он дошел до реки Нарвы. Отсюда была видна земля его родной Эстонии, где властвовала тогда буржуазия.

В газетах писали, что Сырмус выслан из Англии за революционную агитацию в защиту Советской России. В своих концертах в ответ на овации он играл какую-

нибудь народную мелодию и говорил: «Вы наслаждаетесь концертом, а ваши сыновья убивают советских рабочих и крестьян и сами гибнут. Пусть эта песня напомнит вам о них». Правительство запретило концерты-митинги Сырмуса, но лондонские электрики грозились оставить город без света. В огромных залах собирались тысячи рабочих. На стенах висели лозунги «Да здравствует Ленин! Да здравствуют русские большевики!» С каждым выступлением скрипача все новые и новые сторонники присоединялись к призыву «Руки прочь от Советской России».

Что привело знаменитого музыканта на путь революционной борьбы? Как научился он служить народу своей скрипкой? Ответ на этот вопрос дает рукопись Сырмуса «Моя встреча с Лениным». Ее обнаружил в архивах Института марксизма-ленинизма журналист Д. Руднев. «С малолетства мною владели две страсти — страсть к скрипке и страсть к пролетарской революции,— пишет Сырмус.— Эти страсти текли параллельно, мешая друг другу, исключая друг друга, пока я не встретился с Лениным. Ленин соединил эти страсти и дал им плодотворное направление».

Сын эстонского крестьянина-бедняка Эдуард Сырмус рано вступил в революционную борьбу. На подпольных собраниях и сходках товарищи любили слушать юного скрипача. В Петербурге он учился у выдающегося профессора Ауэра. Скоро студент попал за тюремную решетку. И здесь, в тюрьме, он добился, чтобы его скрипку принесли в камеру. Он всей душой верил в силу музыки. Прикладывая скрипку к стене, он играл Чайковского и Шопена. В соседней камере товарищи слушали его, а потом благодарили, применяя тюремную азбуку — постукивая в стену.

После поражения революции 1905 года Сырмус уехал в Финляндию. Он слышал, что и Ленин там, но встретиться с ним не удалось. Сырмус выступал с большим успехом в разных странах. Однако его мучила мысль, что искусство его еще несовершенно. Скрипач рабочего класса должен играть лучше королевских скрипачей! И как поставить любимую скрипку на службу делу революции? Он мечтал поговорить об этом с Лениным.

В 1909 году Сырмус приехал в Париж. Здесь и произошла его долгожданная встреча с Ильичем. На вопрос Сырмуса о месте музыканта в революции В. И. Ленин ответил: «Музыка — громадная сила, ее надо использовать для наших целей, для классовой борьбы».

В Париже Сырмус дал концерт для эмигрантов-революционеров. После ему сказали, что Владимира Ильича видели в последнем ряду зала. А через несколько дней к Сырмусу пришел секретарь заграничного бюро ЦК партии и передал, что партия будет давать ему деньги, чтобы он мог совершенствовать свое мастерство. Сырмус стал брать уроки у профессоров Анри Марто и Люсьена Капе и приобрел феноменальную технику.

Первые же концерты в городах Швейцарии принесли скрипачу шумный успех. Газеты разнесли весть о нем, последовала поездка по Европе, и везде музыке сопутствовало яркое слово коммуниста. Если бы не эти речи, легко, победно бы шла его дорога к славе. Но тюрьмы были знакомы ему не меньше, чем концертные залы. Он переносил их стойко, потому, что, как говорил сам Сырмус, Ленин толкнул его на путь скрипача-революционера...

Недолго пробыл замечательный музыкант в России. В 1921 году в Поволжье начался голод. Нужна была помощь, и Сырмус снова отправился в страны Европы. Он играл в пользу голодающих в Поволжье и в пользу детей политзаключенных в тюрьмах Германии. Газеты превозносили чарующий звук, глубину исполнения, необыкновенную технику. Его называли великим мастером. Однажды полиция ворвалась на эстраду и разбила бесценный старинный инструмент скрипача: И снова блеск концертного зала сменяет мгла тюремной камеры. На этот раз с ним нет друга-скрипки. Но есть друзья на далекой родине.

Выйдя из тюрьмы, Сырмус опять на эстраде. Он говорит собравшимся: «Самолеты капиталистов несут смертоносный груз, а моя Родина послала мне по воздуху новую скрипку из государственной коллекции!» И высоко поднимает дорогой подарок.

Шли годы. Седели волосы. Но музыкант-борец не сдавался. Он продолжал путь, на который встал по слову Ленина *.

Владимир Ильич с особенной любовью и чуткостью относился к одаренным людям. «Талант — редкость. Надо его систематически и осторожно поддерживать», — говорил Ленин и первый подавал пример бережного отношения. Многие артисты, выступавшие в присутствии Ленина,

* В 1936 году Э. Сырмус окончательно поселился в СССР. Скончался он в 1940 году.

сохранили светлую память о добром слове, дружеском совете Ильича.

Выдающаяся русская певица, народная артистка СССР А. В. Нежданова познакомилась с Лениным на концерте-митинге. Только что Владимир Ильич окончил свою речь, и шквал аплодисментов буквально потряс Колонный зал. Казалось, невозможно было даже такой привыкшей к овациям артистке, как Нежданова, выйти на сцену после Ленина. Ильич почувствовал волнение певицы. Он сказал ей приветливые слова о большом ее мастерстве, а потом присел на сцене недалеко от рояля и стал слушать с таким вниманием и удовольствием, что волнение артистки улеглось и ей захотелось петь еще лучше... для Ленина.

А однажды Ленин пришел на концерт Шаляпина. Он незаметно прошел к своему месту в партере и сел, заранее радуясь предстоящему наслаждению. Перед выходом прославленного певца в зале дали полный свет. Кто-то сверху увидел Ленина и закричал: «Ленин! Ленин!» Зрители вскакивали с мест, раздались приветственные возгласы, овации. Ленин вобрал голову в плечи, сердито махал рукой, указывая на сцену, но зал не унимался. Тогда Владимир Ильич встал и направился к выходу. Он шел по проходу хмурый, расстроенный, не слушая восторженных криков. А дома говорил сестре, что публика вела себя бестактно, что это неуважение к артисту. Марию Ильиничну тоже огорчило поведение зрителей. И обидно было: в кои веки Ильич выбрался послушать музыку, даже заседание отменил — а пришлось уйти!

В чудесный весенний вечер 1920 года — в этот день отмечалось пятидесятилетие В. И. Ленина — он долго слушал музыку. Известное в то время трио имени Страдивариуса исполняло Чайковского. А потом Исая Добровейн играл Бетховена — Патетическую сонату. Ленин слушал любимого пианиста растроганный и благодарный. Это был дорогой подарок юбиляру.

Еще при царизме, в 1911 году начал пропаганду русской народной песни Митрофан Ефимович Пятницкий. Тогда его хор мало напоминал нынешний государственный коллектив, что носит имя своего основателя. Это была небольшая группа крестьян из его родного села, которых Пятницкий изредка за собственный счет приводил в Москву. За три года этот хор дал всего десяток концертов. После Октябрьской революции Пятницкому

удалось создать в Москве крестьянский хор уже с постоянным составом. Хор много выступал, особенно для красноармейцев на вокзалах при отправке эшелонов на фронт. Певцы в крестьянских зипунах с котомками в руках исполняли родные песни. Их искусство было по душе братьям, одетым в солдатские шинели.

22 сентября 1918 года хор выступал в Кремле для красноармейской аудитории. Открылся занавес, и певцы увидели Ленина. Он сидел очень близко — в первом ряду. Рука его была на перевязи. Не прошло еще и месяца после дня, когда Ильич был ранен предательской пулей.

Программа началась словами Пятницкого о народной песне. Кроме множества песен, коллектив показал живую картину «Освобожденная Россия». После концерта певцы попросили коменданта Кремля передать Владимиру Ильичу цветы. Комендант вернулся и сказал Пятницкому, что Ленин ждет его завтра в Кремле.

Митрофан Ефимович держал в руке пропуск и не верил своим глазам. Сколько лет бился он как рыба об лед, чтобы государство хоть немного помогло его делу. А сегодня — сам вождь народа, Председатель Совета Народных Комиссаров заинтересовался им! Назавтра Пятницкий рассказал Ленину, как он ездит по деревням, разыскивает певцов и записывает чудесные народные песни. С каким энтузиазмом работают одаренные крестьяне и становятся подлинными художниками. Ленин слушал с большим сочувствием. Он считал, что Пятницкий делает очень важное для народа дело и обещал, что советская власть будет поддерживать его начинание. «Если что-нибудь нужно будет Вам, черкните на клочке бумажки, и я Вам помогу», — сказал Ленин.

Многие талантливые люди в те годы получали «путевку» в искусство. Все делалось для развития их дарований, хотя часто таким самородкам приходилось вместе с азами музыки одолевать и азы обыкновенной грамоты. Так уже в самые первые годы советской власти стали сбываться вещие слова Ленина, сказанные им Кларе Цеткин. Искусство в нашей стране стало пробуждать в народе таланты и открыло им широкую дорогу в жизнь.

ДРУГ ДЕТЕЙ

В июне 1920 года на приеме у Ленина был корреспондент японской газеты «Осака Асахи» Рё Накахира. Владимир Ильич охотно отвечал на вопросы журналиста, интересовался жизнью Японии. Корреспондента особенно поразил вопрос Ленина — правда ли, что японские родители не бьют детей. «Скажите мне, это правда или нет? — спрашивал Владимир Ильич. — Это очень интересный вопрос». И потом сказал, что Советское правительство будет добиваться, чтобы и у нас закончить с этим.

Очень интересный вопрос! Владимиру Ильичу всегда было интересно все, что касается жизни детей.

В Шушенском его любимцем был шестилетний крестьянский мальчуган Минька. С раннего утра, закутанный в материнскую кофту, Минька появлялся на пороге комнаты Ильича и радостно объявлял: «А вот и я». Он следовал за Лениным, как маленькая тень. А когда ссылка кончилась, и Владимир Ильич уехал из Сибири, мальчуган захворал от горя.

С большой нежностью Ленин относился к детям товарищей по партии. С его приходом в доме, где были дети, начинались песни, игры, веселая кутерьма. Но порой, посадив на колени кого-либо из детей, Владимир Ильич серьезно спрашивал: «Не правда ли, ты вырастешь хорошим коммунистом?»

В годы эмиграции Ленин приезжал к Горькому в Италию, на остров Капри. Гуляя по берегу, Владимир Ильич перезнакомился с детьми рыбаков. Он тогда неважно говорил по-итальянски, но ребята отлично понимали его. Они сбегались со всех концов, увидев издали синьора «Дринь-дринь» (так прозвали Ленина рыбаки) *. В его

* Однажды итальянский рыбак учил Ленина ловить рыбу «с пальца» лесой без удильща. Владимир Ильич сразу поймал большую рыбу и, об-

карманах всегда были лакомства, он знал множество веселых игр, любил петь, и ребята учили его итальянским песням.

Артист Петр Райчев наблюдал эти шумливые встречи и удивлялся, что Владимир Ильич отдает столько сердца загорелым сорванцам из чужой страны. «Если бы в жизни не было другой цели, я остался бы навсегда среди них», — сказал ему Ленин.

Владимир Ильич любил детей большой отцовской любовью. Он видел в них будущее страны, и, словно отвечая заветной мечте Ильича, ребята не только радовались новой жизни, которую открыла для них Октябрьская революция, они стремились участвовать в ней, стать помощниками коммунистов. Однажды в праздничный день Владимир Ильич вместе с Свердловым шел из Кремля на Красную площадь. По городу с песнями и оркестрами проходили колонны трудящихся. Издалека слышалось: «Смело, товарищи, в ногу». Пели еще неокрепшие, тонкие, но задорные голоса; под песню шагали школьники. Лицо Владимира Ильича расцвело радостью, он остановился и прислушался. А Свердлов воскликнул: «Нет, дело наше непобедимо! Даже если мы и погибнем, они, вот эти ребята, пойдут вперед и вперед! Коли в десять лет они поют наши песни, то вырастут настоящими революционерами и довершат все то, чему мы положили начало! Хорошо!» «Хорошо», — согласился Владимир Ильич.

В 1919 году здоровье Надежды Константиновны пошатнулось. Ей нужен был отдых на воздухе. Ленину посоветовали поселить ее в Сокольниках, в Лесной школе, где жили и учились слабые здоровьем дети. Владимир Ильич часто навещал жену, познакомился и подружился с воспитанниками. В школе был хороший хор. Владимир Ильич охотно слушал, как поют ребята. Особенно нравилась ему народная песня «Уж как во поле калинушка стоит». В ней пелось о соловье, который на воле распевал звонкие песни, а попав в золоченую клетку загрустил, и песни его замолкли. Уж кто-кто, а Ленин хорошо знал, каково живет в неволе! Особенно трогал четвертый куплет:

...Но соловушко в неволе не поет,
Он воды не пьет и корму не клюет.

радовавшись, воскликнул: «Ага! дринь-дринь!» «И нажил себе беду, — рассказывал он Райчеву. — Все на Капри теперь называют меня синьор „Дринь-дринь“. Но Вы думаете, что это меня огорчает? О, напротив, это доставляет мне удовольствие».

А ребята заметили это и старались петь нежно, печально и ласково.

В январе 1919 года Владимир Ильич задумал устроить в Лесной школе елку. Вскладчину с друзьями раздобыли немного конфет и орехов. Украсили елку сами ребята. Они подготовили концерт, разучили пьесу «Санки-самокатки». А взрослые приготовили для них сюрприз — пригласили на елку артистов: замечательную певицу В. В. Барсову и пианиста, профессора консерватории С. Е. Фейнберга. Все были в сборе, ждали только Ленина, но он почему-то очень опаздывал. Пришлось ребятам сыграть спектакль без него. Вдруг открылась дверь, и появились Ильич с сестрой, с головы до ног запорошенные снегом. Ребята радостно запрыгали, повисли на его плечах. Самая голосистая девочка завела песню про елку. Владимир Ильич подхватил песню. Все закружились в хороводе, и никто не спросил, почему Ленин приехал с таким опозданием. А он, не желая омрачать праздник, ни слова не сказал о том, что на его машину напали бандиты, и он с Марией Ильиничной едва добрался до поселка пешком...

Ребята непременно хотели повторить для Ленина свою программу. Все началось снова: опять сыграли «Санки-самокатки», спел хор, а потом выступили артисты. Концерт был, как в настоящей филармонии.

С. Е. Фейнбергу очень хотелось сыграть для Владимира Ильича что-нибудь из его любимых произведений. Надежда Константиновна рассказала ему, что Ильич очень любит прелюдии Шопена: еще в далекой юности, когда играла их сестра Ольга, Ленину стали близки эти маленькие пьесы, похожие на краткие записи в дневнике, где человек искренно раскрывает свои переживания, яркие впечатления. В прелюдиях Шопена запечатлены и взлет мечты, и тихая грусть, и драматические образы.

Особенно нравилась Владимиру Ильичу пятнадцатая, ре-бемоль-мажорная прелюдия. Она начинается прекрасной, певучей мелодией. А вместе с ней, почти не умолкая, как мерно падающие капли, повторяется один и тот же звук. Это сопровождение создает тоскливый фон, придает светлой мелодии печальный характер. Все глубже становится раздумье, все более бурной и драматичной делается музыка средней части прелюдии. Но вот снова возвращается знакомая пленительная мелодия со своим монотонно-печальным спутником. И в конце — маленькое вырази-

тельное, как человеческая речь, заключение. Эту прелюдию и сыграл в тот вечер профессор Фейнберг.

Заслушались Шопеном и взрослые, и дети.

Валерия Владимировна Барсова сперва спела «Соловья» Алябьева, а потом раскрыла томик песен для детей Чайковского и пела их одну за другой: «Зима», «Цветок», «Колыбельная», «Мой садик»... Артисты были счастливы, видя с каким удовольствием слушает Владимир Ильич эти поэтичные мелодии. Счастливы были и ребята.

Когда Ленин после многих лет эмиграции в апреле 1917 года вернулся в Россию, в своей семье он встретился с ее новыми членами, ему еще не знакомыми: сыном Дмитрия Ильича Виктором Ульяновым и приемным сыном Анны Ильиничны Горой Лозгачевым.

Виктора привезли в Москву из деревни. Он стеснялся незнакомого общества. Увидев новых людей, Виктор совсем заробел и забрался под диван. Но Владимир Ильич быстро сладил с ним. Он знал от взрослых, что мальчик любит петь, и стал выспрашивать его, какие песни поют в деревне. После долгого молчания из-под дивана раздались хлесткие частушки. Владимир Ильич от души хохотал, слушая их. Это придало певцу храбрости. Он вылез из своего укрытия и уже на коленях у Ильича спел все песни, какие знал. Песня была первым шагом к нежной дружбе Виктора Ульянова с Лениным.

Гора Лозгачев вошел в семью Елизаровых-Ульяновых в пятилетнем возрасте, в 1910 году. Было это в Саратове. Он рассказал о замечательной семье своих приемных родителей в книге «Незабываемое». В этой книжке большое место отдано и музыке.

В квартире Ульяновых Гора впервые увидел пианино: черное, с медными подсвечниками и барельефом Моцарта на крышке, оно стояло в гостиной. Он часто слышал, как Мария Александровна играет на этом новом для него инструменте. Его удивило, что прежде чем заиграть, она ставит на пюпитр книжку, но в ней не буквы, уже знакомые мальчику, а какие-то значки с хвостиками. Любопытный малыш добился-таки, что Мария Александровна рассказала ему о нотных линейках и о том, как нарисованные на них значки «оживают», поют, если ударить по нужной клавише.

Для Горы и его сестры Вари купили песенный сборник «Гусельки». За рояль садились Мария Александровна или Мария Ильинична. Детей приучали петь на два голоса

простые песенки вроде «Повадился журавель» и следили, чтобы они пели чисто, не фальшивили. Под музыку проводили игры. Очень любили игру «холодно — жарко». Слушая музыку, нужно было отыскать спрятанный предмет. Когда водивший приближался к нему, музыка звучала громче, когда удалялся — затихала.

По семейной традиции устраивалась елка с обязательным спектаклем, шарадами, концертом и танцами.

Когда в 1912 году Марию Ильиничну сослали на север, за ней последовали Мария Александровна и Гора. Ему помнится, как по вечерам в их квартиру в Вологде сходились товарищи. Вместе читали, спорили, пели. Песни звучали приглушенно: под окнами вечно шныряла полиция *. В Вологду переправили «мамочкино» пианино. В кругу товарищей Мария Ильинична играла Шопена, Шуберта. Не отказывалась присесть к роялю одна или вместе с дочерью и Мария Александровна, теперь уже очень постаревшая и ослабевшая. Один из ссыльных — Милютин — приходил со скрипкой. Мария Ильинична аккомпанировала ему. Музыка помогала бороться с невзгодами, крашивала житье...

В доме постоянно с большой любовью говорили о Владимире Ильиче. Еще задолго до встречи Гора знал о нем и мечтал увидеть Ленина. Бойкий мальчик с первой встречи «атаковал» Владимира Ильича. Иногда ему выпадало счастье проехаться в машине с Лениным, постоять рядом с ним на трибу е митинга, а то и побывать в театре. Гора смело входил в Кремлевский кабинет Ленина, настойчиво, почти насильно отрывал его от письменного стола и, торжествуя, вел к обеденному. Он надеялся, что после обеда дядя Володя, может быть, урвет минутку, чтобы повозиться с ним...

Однажды, оставшись дома вдвоем с Владимиром Ильичом, Гора уже приготовился, как обычно, завести игру или интересную беседу. Вопрос уже был готов слететь с его губ, как вдруг он заметил, что дяде не до веселой возни. Ленин ходил из угла в угол, заложив руки за спину, невеселый, озабоченный. Мальчик сразу вспомнил о его тяжелом ранении, испугался и спросил Владимира Ильича, не заболел ли он снова? Ленин остановился, посмотрел на Гору и вполне серьезно, как взрослому, сказал: «Пони-

* Именно здесь, в Вологде, полиция нашла у Марии Ильиничны сборник «Наши песни» и арестовала ее.

маешь, Гора, стоит вопрос: закрыть Большой театр! Считают, что чересчур дорого обходится его содержание, убыток большой приносит, дров нету! Вот, как, по-твоему, быть с этим, жалко, а?»

Вот что, оказывается, мучило Владимира Ильича! Время было, действительно, исключительно тяжелое. Гражданская война отрезала от центра страны районы, богатые топливом и хлебом. Голодала и мерзла столица. Вспыхивали эпидемии. В правительственных кругах стали поговаривать о закрытии Большого театра. Старый оперный театр и вправду съедал массу топлива и денег. Раздавались голоса, что опера теперь для рабочих излишняя роскошь. Другие приходили в ужас от одной мысли, что гордость русского искусства — Большой театр будет закрыт. И те и другие с надеждой и опаской ждали, что скажет Ленин.

Гора и вправду расстроился, услышав, какая беда грозит Большому театру. Он уже успел побывать там на опере «Золотой петушок», на балетах «Спящая красавица» и «Конек-горбунок». Значит, негде теперь будет послушать чудесную музыку, увидеть ожившие на сцене сказки!

Он печально и растерянно произнес: «Жалко, Владимир Ильич, не надо закрывать»... «Вот и я тоже думаю, что не надо бы», — ответил Ленин и снова принялся вышагивать по веранде.

А через несколько дней на заседании Совнаркома обсуждалось предложение о закрытии Большого театра. Докладчик уверял, что рабочим ничего не дают «буржуазные» оперы «Кармен» или «Евгений Онегин», а топлива на театр уходит пропасть. Разумнее будет дорогостоящий театр закрыть, зато лучше топить бани.

Все ждали речи Ленина. Но речи не последовало. Владимир Ильич лукаво взглянул на ретивого докладчика и поставил вопрос на голосование. Но мимоходом он заметил, что докладчик несколько наивно понимает задачи театра, и что от музыкального наследия еще рано отказываться. Совнарком единогласно решил сохранить Большой театр. Словно камень с души свалился у всех после краткой реплики Ленина. Гора Лозгачев был еще мал, чтобы понять, какой важный для нашей страны вопрос мучительно решал Ленин, в волнении шагая по веранде. Мальчик видел перед собой только роскошный зал, нарядные декорации, танцы, музыкантов, а Ленин думал о неграмотных

рабочих и крестьянах России, о сверстниках Горы, которым нужно подняться к вершинам культуры.

«Ты вырастешь хорошим коммунистом?» — спрашивал Ленин маленьких своих приятелей. Но чтобы вырасти коммунистом, мало повторять лозунги партии. «Коммунистом можно стать лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество», — говорил Ленин на Третьем съезде комсомола в 1920 году.

Большой театр и был очагом музыкальной культуры, обладателем ее богатства. На его спектаклях люди постигали глубину и красоту музыки Глинки и Чайковского, Мусоргского и Бородина, Вагнера и Верди. По воскресеньям сюда стали приходить дети. Первыми посетителями воскресных утренников были воспитанники детских домов. Их было много, осиротевших в двух войнах ребятишек, которых прежде презрительно называли «приютскими». Теперь слово «приют» было зачеркнуто. Вместе с ним выбросили и долгополую серую, похожую на арестантскую, приютскую одежду. Воспитанники детских домов, советские дети — «цветы революции», как называл их Ленин, — чинно шли к Большому театру в нарядных беличьих шубках. Знаменитые артисты на языке музыки и танца рассказывали им сказки о добре и зле: «Лебединое озеро», «Конек Горбунок», «Спящая красавица»... Из бывшей царской ложи выглядывали любопытные, изумленные, счастливые рожицы детей.

Родина заботилась не только о пище и одежде для самых маленьких своих граждан. Уже в начале 20-х годов в Москве и Петрограде открылись первые в мире детские театры. А концерты для школьников начались сразу же после победы Октября. Они проходили и в театральных и концертных залах, и в рабочих клубах, и в самих школах. Талантливые музыканты терпеливо приучали ребят слушать музыку. Они находили и разучивали детские песенки и легкие пьески и, начиная с самого простого, доступного, смело вели своих слушателей в прекрасный мир музыки.

Многие известные в наше время музыкальные деятели почти полвека назад были зачинателями этого дела. Н. И. Сац в ранней юности стала организатором детских концертов в Москве. Она припоминает такой эпизод: на одном из первых концертов для детей в притихшем зале раздался старческий голос: «Смотри, сынок, в оба смотри, — мы ничего этого никогда прежде в жизни не ви-

дывали» *. Действительно, многие родители и сами впервые в жизни теперь перешагнули порог театра. Они с гордостью думали о том, что их дети будут образованными людьми, что теперь их будут учить по-иному, не так как при царе — только азám грамоты. Так думали и рабочие славного революционными традициями Путиловского завода в Петрограде. Долгие годы они сами и их дети оставались безграмотными. А дети богатых обучались и наукам, и музыке, и танцам. И школы для них были особые. Туда дорога детям фабричных была заказана.

Советская власть сразу же установила школы одинаковые, для всех детей. Новой школе дали название — «Единая трудовая». Но те, кто прежде служил капиталистам, не допускали и мысли о том, чтобы их чистенькие, нарядные дети сидели за одной партой с чумазыми оборванцами. Они всячески мешали организации новой школы. На «Красном путиловце» несколько дней шли бурные собрания: обсуждали проект школ. На одном из таких собраний выступил учитель из старой гимназии. Он с издевкой говорил рабочим: уж больно высоко вы хотите взлететь! Ну, пойдут ваши дети в новую школу, ну, выучат их там грамоте. Но ведь одних школьных предметов еще мало. Культурный человек должен разбираться в искусстве, играть на рояле, красиво танцевать. Не сравнятся вашим детям с детьми из образованных семей. «И наши ребята всему научатся! — гневно кричали в ответ рабочие. — Не старые времена! Возьмем, да откроем для заводских детишек художественную школу!»

И тут же собрание постановило: открыть детскую художественную студию, чтобы учить ребят музыке, рисованию и танцам, а ее организацию поручить рабочему пушечного цеха Александру Андреевичу Фомину. Помочь Фомину вызвался учитель пения артист Михаил Александрович Плотников. На следующий день Фомин и Плотников отправились в Отдел народного образования. Летели будто на крыльях и, казалось, очень быстро пешком с окраины добрались до самого центра города. Но в Наробразе их как ледяной водой окатили: посочувствовали, даже восхитились, но студию открывать отказались наотрез.

«Подумайте только, — услышали делегаты. — В вашем районе ни одного подходящего здания нет. А если и было

* В книгах Н. Сац «Дети приходят в театр» и «Всегда с тобой», можно прочесть о том, как развивалось в нашей стране искусство для детей.

бы, где взять топливо? Ведь замерзает город! Ну, допустим, открыли школу. В чем ваши дети будут ходить на занятия? Известно, что ни теплой одежды, ни обуви нет, разутые бегают. Долгие годы ждали мы с вами революции, так теперь уже не страшно и подождать, пока жизнь полегче станет». Так ничего не добились путиловцы. Вышли на улицу мрачные. Как вернуться на завод, как объяснить товарищам, что и сейчас, после революции, не пришло время их детям выходить в художники? Пусть, значит, снова богатенькие музыкой занимаются?

У Плотникова совсем было руки опустились, а Фомин не сдавался. «Раз поручили дело — будем биться до конца. Пойдем, Михаил Александрович, в Смольный, пусть Ленин рассудит, кто прав», — запальчиво сказал Фомин. Снова двинулись пешком и словно другими глазами увидели все: и верно, город затих, как тяжелобольной. Трамваи не ходят, рельсы даже заледенели. У булочных очереди за хлебом...

Вот и Смольный. В приемной Ленина их приветливо встретил секретарь: «По какому делу, товарищи?». Снова рассказали Фомин и Плотников о своем деле и услышали в ответ, что им нужно обратиться в Отдел народного образования!

Тут уж совсем невольно стало посланцам завода, и они громко заспорили: не пойдем туда и все тут. Пусть сам Ильич нас выслушает. Дверь ленинского кабинета открылась: на пороге стоял Владимир Ильич — его удивил шум и громкие голоса в приемной. Делегаты бросились к нему. Они готовы были ждать сколько угодно, пока Ленин освободится и примет их. Но Владимир Ильич обнял их за плечи и провел к себе. Секретарь сказал правду: в кабинете былолюдно, шло важное совещание. Прислушавшись, делегаты смутились. В самом деле, в какое сравнение может идти какая-то детская студия с важными государственными делами, которые обсуждались здесь! Не прерывая заседания, Ленин потихоньку выслушал путиловцев и неожиданно громко и горячо воскликнул, обращаясь к присутствующим: «Вы слышите, что путиловцы хотят! Они хотят создать свою трудовую интеллигенцию, а им говорят: „Подождите годик“! — Никаких промедлений, студию надо организовать!» И он снял трубку телефона.

Создавать новую трудовую интеллигенцию, — вот как глубоко понял Ильич «затею» путиловцев, вот как дорога и понятна была ему рабочая мечта.

На следующий день Фомин и Плотников снова сидели в том же кабинете Отдела народного образования. После звонка Ленина их приняли по-другому. И хотя рабочим сегодня еще виднее были трудности создания школы, они были готовы на все. Здание нашлось — небольшой особняк на Рижском проспекте. Но оно было разрушено. Путиловцы отстроили его в нерабочее время. Запасли и топливо на всю зиму. Два месяца рабочие добывали его: стоя по пояс в ледяной Неве, вылавливали из воды древесину. Протянув по плавучему мостику узкоколейку, переправляли дрова на берег. Музыкальных инструментов в Петрограде было достаточно: их конфисковали у буржуазии, бежавшей от Советской власти. Но все они находились в богатых особняках в центре города. Как доставить их за Нарвскую заставу, если трамваи стоят, а на огромном «Красном путиловце», смешно сказать, два старых грузовика, да и те загружены военными заказами? Снова выручила рабочая смекалка. По трамвайным рельсам пустили паровичок с двумя платформами. Поезд прибыл на Невский проспект и стоял, пока на захудалой лошадке, запряженной в телегу, к нему везли и везли рояли, трубы, скрипки... Потом поезд загудел и двинулся в обратный путь к Нарвской заставе. Толпы людей на Невском глазели на невиданное зрелище. А нетерпеливые ребята встречали поезд у своей студии. Директор студии Михаил Александрович Плотников начал прием учеников.

Советское правительство в то время уже переехало в Москву. А через два года Ленин приехал в Петроград на Второй конгресс Коммунистического Интернационала. Поезд с делегатами конгресса встречали рабочие. Кто-то поднес Ленину цветы. Владимир Ильич вышел на перрон. Впереди колонны путиловцев стоял духовой оркестр учащихся детской музыкальной студии. Увидев Ленина, ребята подняли ярко начищенные трубы и заиграли «Интернационал». Владимир Ильич подошел прямо к оркестру и отдал музыкантам свой букет. Оставшись одни, ребята разобрали букет по цветочку; каждому досталась память об Ильиче.

Давно это было. Больше полувека прошло, но по-прежнему живет детская музыкальная школа Ленинского района Ленинграда. Теперь она носит имя В. И. Ленина, а бывший Рижский проспект назван именем Огородникова, того самого коммуниста, председателя райсовета, что в 1918 году подыскивал помещение для школы, помогал

путиловцам осуществить их мечту. Школа вмещает теперь больше 500 учащихся. А ведь начинала с двух десятков детей! А вот и воспитанники. Их портреты глядят на нас со стены. Уже не одно поколение сменилось. Иные, пройдя высшую школу, вернулись сюда педагогами — учат свою смену...

В 1918 году Ленин помог путиловцам. Но только ли им? Трудно, неимоверно трудно было в то время оборудовать одну маленькую студию в столице. А за ней, как грибы после дождя, стали возникать музыкальные школы, студии, кружки, клубы. Сегодня в стране тысячи детских музыкальных школ. Живет ленинская забота о юных дарованиях, воплощается в жизнь ленинский завет об искусстве для народа.

В годы своего детства Аня, Ольга, Володя и Маняша Ульяновы не ходили в музыкальную школу — ее в Симбирске не было. Счастьем семьи была музыкальность матери; она привила ее своим детям. А как же тысячи их маленьких сверстников? Так и увядали их дарования в те глухие, трудные для народа годы.

Вернемся в Ульяновск, родной город Ильича. Пройдем по его улицам, следом за экскурсией, которая только что вышла из дома-музея В. И. Ленина.

Навстречу нам то и дело попадают ученики с нотными папками и музыкальными инструментами в руках. Они идут чуть дальше — на улицу Гамова, в музыкальную школу. Это школа № 1, первая, — но не единственная. Их в городе несколько: и в центре, и за Свягой, куда бегал купаться с друзьями Володя Ульянов, и на окраинах.

Парк чудесной красоты. А за ним великолепное здание с колоннами. В годы детства Ленина это было Дворянское собрание. Теперь в нем царство книг. Библиотеку имени Ленина называют «Дворец книги». Беломраморный зал залит светом. Десятки голов склонились над книгами. Есть в этом царстве и отдел нот. Здесь тоже людно. Площадь имени Ленина. Слева — здание Ульяновской филармонии. В концертном зале еще пусто. Но сгустятся сумерки, и зал заполнят люди. В теплый вечер откроют окна, и музыка будет слышна на площади, где в сквере, окруженный цветами, стоит памятник Ленину. Он поднялся высоко над крутым берегом Волги. Музыка долетает к нему с плывущих по реке судов. С лодок слышатся песни. Ленин задумался, прислушиваясь к звукам: «...И песни же у нас в России»...

СОДЕРЖАНИЕ

О чем рассказывают ноты дома-музея	3
В кругу соратников	18
Музыка — революции	32
Эти песни пел В. И. Ленин	41
Часть общепролетарского дела. Музыка для всех	71
Друг детей	85

Мария Львовна Гольденштейн

В. И. ЛЕНИН И МУЗЫКА

Редактор *А. А. Щербакова*

Художник *Н. И. Васильев*

Худож. редактор *Р. С. Волховер*

Техн. редактор *Г. С. Мичурина*

Корректоры *Л. К. Ильина, Г. В. Романычева*

И.Б. № 3606

Сдано в набор 25.12.86. Подписано в печать 15.05.87. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 5,04+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 6,2. Уч.-изд. л. 5,4+0,56 вкл. Тираж 35 000 экз.

Изд. № 3363. Заказ 417. Цена 40 к.

Издательство «Музыка», Ленинградское отделение
191123, Ленинград, ул. Рылеева, 17

Ленинградская типография № 2 головное предприятие ордена Трудового Красного Знамени Ленинградского объединения «Техническая книга» им. Евгении Соколовой Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.

198052, г. Ленинград, Л-52, Измайловский проспект, 29

«Аппассионата».
С картины Н. Жукова

Гостиная в Ульяновском доме-музее

О. И. Ульянова (сестра)

В. И. Ленин слушает игру матери.
С картины А. Морозова

Музыка.

С картины Н. Жукова

В. И. Ленин в 1887 году

Paroles & F. B. I.

719
L'Internationale

[illegible]

Mouvement de marche

Mouvement et marche

Le bon piedmarche les de

Handwritten musical score for "Les Femmes d'Alger" by M. V. Oudry. The score is written on three staves. The first staff is for the vocal line, the second for the piano accompaniment, and the third for the basso continuo. The lyrics are in French: "Tout est si agréable la femme - Les uns sont honnêtes & les autres". The music is in 3/4 time and features a variety of note values and rests.

Handwritten musical score for "L'Espresso" by J. S. G. The score is written on two staves. The top staff is in treble clef and the bottom staff is in bass clef. The music is in 2/4 time. The lyrics are written below the top staff: "L'Espresso, prendable et se trouve en". The score includes various musical notations such as notes, rests, and dynamic markings like "f" and "p".

claire se bunt, se bunt *L'enfant* *va s'égarer là - où il ne pourra en rien.*

Handwritten musical score for "Le groupe des nations". The score is written on three staves. The top staff is a vocal line with lyrics in French: "Je ne suis pas le premier le groupe des nations". The middle staff is a piano accompaniment line. The bottom staff is a bass line. The music is in 2/4 time and features a mix of eighth and sixteenth notes.

**Домик в Берне,
где В. И. Ленин
слушал игру
М. С. Кедрова**

П. А. Красиков

С. И. Гусев

М. С. Кедров

И. Ф. Арманд

Э. Сырмус

**Столовая в квартире Елизаровых в доме 48/9 по Широкой ул.
в Петрограде (ныне ул. Ленина).
Здесь иногда В. И. Ленин слушал игру на фортепиано
сестер Анны и Марии**

**Здание Смольного, где проходили исторические заседания
Второго Всероссийского съезда Советов**

рука 115

Бориса и Евг.

АТОРНИ ПРЕКЛОДИ В ВЕДЕНИЕ НАРОДНА-
 ЕНЮ НА НАЧАЛНА АТОРНОСТА СКА-
 РОВЕ

Wpex. $\text{C}_{10}\text{H}_{16}$ (brom).

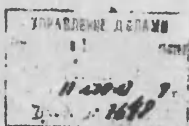
Haydon ne Type

А. Рубин.

Москва Ученая
12 июня 1952.

Управління Дов. С. М. К. [Signature]
Секретар: [Signature]

Коротко №155
Мурин 11.

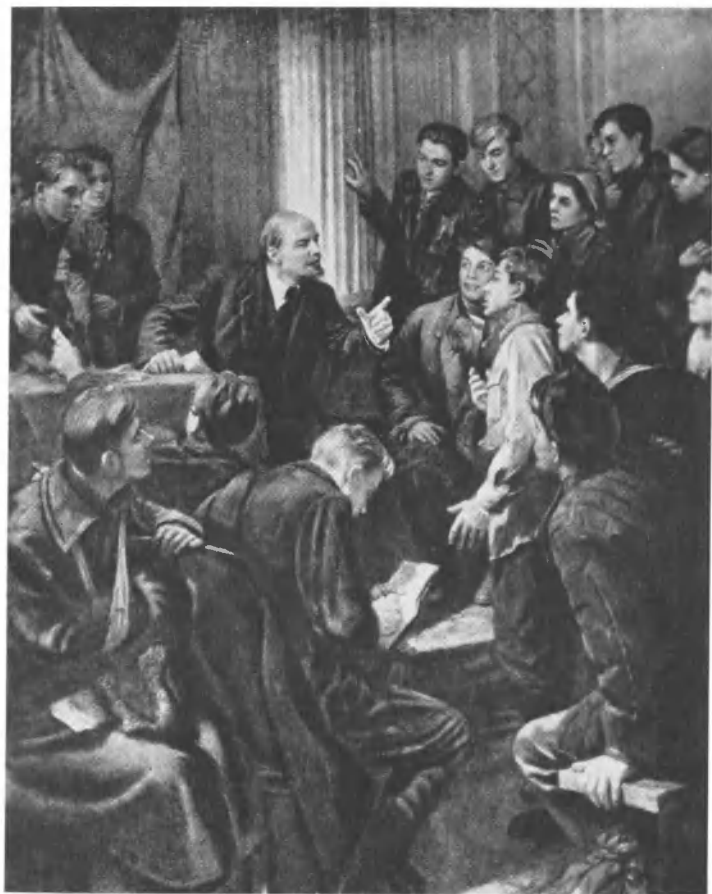

2-я годовщина
Великого Октября.
В. И. Ленин
на Красной
площади

Москва. Красная площадь.
С картины Н. Соколова

В. И. Ленин среди делегатов Третьего съезда РКСМ.
С картины П. Белоусова

**В. И. Ленин, А. М. Горький и Е. П. Пешкова
слушают сонату Бетховена «Аппассионата»
в исполнении И. А. Добровейна.
С картины П. Васильева**

**В. И. Ленин слушает игру пианиста Г. И. Романовского
на домашнем концерте у А. Д. Цюрупы.**

С картины П. Васильева

Ноты из библиотеки В. И. Ленина, Н. К. Крупской
и М. И. Ульяновой, хранящиеся в музее
«Кабинет и квартира В. И. Ленина в Кремле»

Рояль «Бехштейн» (№ 49152),
находящийся в квартире В. И. Ленина в Кремле
с 1918 года

40 к.

